

Личная трагедия
превратила ее в
неуловимого киллера

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

СВЕТЛЫЙ ДЕМОН

Сергей Павлович Бакшеев

Светлый демон

Серия «Светлый демон», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6183777

Эксмо;
ISBN 978-5-699-64941-9

Аннотация

Светлана Демьянова – профессиональный киллер, идеальная машина для убийства. Страшные события прошлого выжгли из ее сердца все человеческое, она не знает ни страха, ни жалости. Ее стихия – смерть. Светлана направляется на выполнение очередного заказа и около придорожного кафе видит следующую картину: оборванного, жалкого человека в военной форме окружили здоровенные кавказцы с оружием в руках. Понятно, что еще пара секунд – и все будет кончено. Светлана собирается проехать мимо, но вдруг с ужасом понимает, что физически не сможет бросить этого человека в беде. Установившийся порядок ее жизни начинает неотвратно рушиться, но, не в силах совладать с собой, она бросается на помощь несчастному...

Содержание

Пролог	5
1	7
2	18
3	20
4	23
5	29
6	35
7	41
8	48
9	49
10	52
11	57
12	66
13	73
14	77
15	84
16	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сергей Бакшеев

Светлый демон

© Бакшеев С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Пролог

– Убей его. Пристрели. Задуши. Размозжи голову. Сделай что хочешь, но он должен умереть!

Голос в телефоне был требовательным и веским. Так говорит человек, давно наделенный властью, привыкший отдавать приказы и не терпящий возражений.

– Я, начальник городского УВД, даю официальную санкцию на убийство. Ты умеешь это делать. Это твоя работа. Отличие лишь в том, что на этот раз мы не будем за тобой охотиться, мы тебя наградим. Ты понимаешь меня?

Я молчу. Он доходчиво объясняет:

– Если мы войдем в дом и он будет жить, ты – убийца! Если увидим его труп – ты героиня! Подумай как следует.

Я думаю. В словах полковника милиции нет преувеличений. Я работаю в сфере специфических услуг, передаю клиентам послания от их врагов. Маленькие, но смертельные. Говоря проще, я – профессиональный киллер, наемная убийца, выполнившая немало сложных заказов. Не люблю слова «объект» или «цель», для меня они клиенты, а я всего лишь высокооплачиваемый почтальон. Каждое задание – огромный риск: убьют на месте или схватят по горячим следам. Пока мне везло. Возможно оттого, что я не ценю свою жизнь. Я не знаю, что лучше: жить так, как я, или умереть.

Я в растерянности. Привычный мир вывернулся наизнан-

ку. Жертва беззащитна и полностью доверяет мне, власть не борется за спасение человека, а требует казни. Нажав на курок, мне не нужно будет скрываться. Впервые мне не заплатят грязные деньги, а официально поблагодарят.

И всем будет хорошо.

Всем, кроме того человека, который находится сейчас за стенкой и не слышит моих слов.

– Я согласна. Ты увидишь его мертвым.

– Вот и договорились. – Полковник доволен. Он знает, что Светлый Демон всегда держит свое слово.

В отличие от него.

Дорога перевалила вершину и пошла под уклон. Предзакатное солнце, цеплявшееся пурпурным брюхом за островерхие ели, окончательно свалилось за гору и больше не бликовало в боковых зеркалах тонированного корейского внедорожника.

Я сняла затемненные очки и сунула их в специальный очечник под потолком. Вытянув шею, мельком посмотрелась в зеркало. Уставшие глаза худой сосредоточенной женщины оценивающе изучили меня. Как и все, я уверена, что выгляжу моложе своих тридцати восьми. Пусть не в данный момент – все-таки вторые сутки за рулем, – а когда выплусь. Ответьте честно: вы ведь тоже так о себе думаете? Годы идут, а в душе вечно клокочут пузырьки юности, и кажется, что время щадит вас. Вот и я такая. Одно обидно – меняется наше отражение в зеркале.

За окном мелькнул указатель: «Валяпинск – 23 км». Сколько лет я не была в родном городе? Семнадцать. Да и родной ли он мне? Скорее проклятый край, в котором я, Света Демьянова, провела безрадостное детство и жестокую юность.

Точное место своего рождения я не знаю. Как, впрочем, и своих родителей. Интернатские мымры-воспитательницы не поощряли копания в родословной. Наверное, потому, что

были уверены – ничего хорошего там дети не найдут. Уж лучше пусть кареглазая девчонка с русыми косичками вечно мечтает и сочиняет небылицы о своих богатых и добрых родителях, которые вот-вот примчатся на белом лимузине и заберут ее в сказочный замок, где каждый день мороженое.

«А почему они раньше этого не сделали?» – требовала объяснений моя практичная подружка Лена Баринова. «Да потому, что родители скрывают меня от врагов! Чтобы те не украли и не потребовали выкуп! Скоро папа разделается с ними и приедет за мной с кучей игрушек. Там есть такие, каких ты в жизни не видела! Я оставлю их тебе». – «Даже Барби в свадебном платье?» – «Угу, – соглашалась я после некоторого колебания. И упрямо заклинала: – Дома у меня есть еще».

Но никто за мной не приезжал. Ни на шикарном лимузине, ни на тарахтящем автобусе, за остановкой которого я с надеждой наблюдала долгие годы, растапливая дыханием изморозь на окне.

Я невольно вспомнила обшарпанное здание школы-интерната для детей-сирот и отчаянные детские перепалки. Еще семнадцать лет сюда бы не возвращалась, если бы они у меня были. Но жить мне осталось меньше. От силы год или полтора. Врач-онколог, забыв о принципах псевдогуманизма, процедил этот приговор после моего тихого вопроса, сопровождавшегося убийственным немигающим взглядом. Так я смотрю на заказанных клиентов сквозь прицел опти-

ческой винтовки. Пустая точка сузившегося зрачка, как кратер бездонного ледяного вулкана перед извержением.

Онколог суетливо предложил курс химиотерапии, я покачала головой. «Боль будет нарастать», – предупредил он. Я вспомнила дни, когда физической болью старалась перебить душевную муку. Он не понял моей кривой усмешки.

Я до сих пор сомневаюсь: ради чего возвращаюсь в Валяпинск? Чтобы выполнить странный заказ? Увидеть знакомые места? Или чтобы в тысячный раз вспомнить тот страшный день, когда Мир Рухнул, и попытаться разобраться в нем?

На приборной панели безотказного «корейца» высветился значок бензоколонки. Я свернула к автозаправке, рядом с которой гремело музыкой придорожное кафе. Зеленая обочина, забрызганная пятнами желтых одуванчиков, напомнила мне о любимом бессловесном Пифике, а если величать полным именем – Елпидифоре. Так зовут среднеазиатскую черепашку – единственную живую душу, с которой я дружу на протяжении последних лет.

Пифик оказался у меня случайно. Мне подарили его в монастыре после разговора с матушкой Прасковьей. «Каждый должен о ком-нибудь заботиться», – сказала игуменья, протягивая коробку из-под обуви с прорезанными в крышке дырками. Я заглянула внутрь, увидела задранную мордочку с черными глазами-бусинками и поняла – это несуразное существо создано именно для меня.

Конечно, от общения с собакой или кошкой вы получаете

те более яркие эмоции, но мой черно-серый мир не предполагает красочных всплесков. Да и за собакой требуется ежедневный уход, а кошка больше привыкает к дому, чем к хозяину. Другое дело черепаха. Пифик мог неделю-другую спокойно дожидаться меня в запертой квартире, которые к тому же я часто меняла. Или сопровождать в долгих поездках, безропотно коротая время в прозрачном пластиковом ведре. С ним можно поселиться в любой гостинице и обрадовать порезанным огурчиком или кабачком. Еще он обожает листья одуванчиков и цветы клевера, и сейчас, в начале лета, мне не составляет труда баловать неуклюжего питомца природными лакомствами.

Я спустилась с дороги, отошла к опушке леса, где действие выхлопных газов сводилось к минимуму, и сорвала несколько желтых цветков. Посмотрев на импровизированный букетик, я кисло улыбнулась. Последний раз мне дарили цветы около двадцати лет назад при выходе из роддома. С тех пор внимание мужчин к моей женской сущности ограничивалось вульгарным приставанием. Я научилась жестко пресекать непрошенных ухажеров и лишь изредка, когда восставала плоть, сама выбирала партнера, которому доставалась одна сногшибательная ночь. Единственный постоянный самец, который последние годы делит со мной кров, сейчас сожрет эти радостные цветочки, посмотрит черными бусинками и завозит лапами по ведру, требуя свободы. А свобода ему нужна лишь для того, чтобы зарыться мордочкой в нор-

ку и заснуть часов на двенадцать, втянув лапки под защитный панцирь.

Зашуршал куст. Я резко обернулась. Изуродованное профессией подсознание мгновенно проанализировало ситуацию. Ветра нет, ветки не могут шуметь; дикий зверь не подойдет к пахучей бензоколонке; до автомобиля метров тридцать, моя спина – прекрасная мишень для затаившегося человека. Последовало молниеносное решение. Одуванчики упали к ногам, правая рука метнулась к спасительным штанам «тысяча карманов». В них всегда найдется то, чем я смогу ответить на неожиданную опасность.

– Эй! – послышалось из куста. Сквозь раздвинутые ветки высунулась испуганная физиономия в солдатской фуражке.

Я прежде всего изучила руки незнакомца. Грязные пальцы застыли на согнутых ветках и не представляли прямой угрозы.

– У вас нет чего-нибудь поесть? – промямлил солдатик.

Жалкий тон просьбы предполагал грубый отказ. Он вышел из-за куста. Я чутко контролировала ситуацию, продолжая искать скрытый подвох, но тщедушная фигура и просящий взгляд красноречиво свидетельствовали, что передо мной голодный парнишка в солдатской форме.

– Или подвезите меня. Мне надо уехать, – не дождавшись ответа, солдат высказал новую просьбу.

Он не уточнил, куда ему надо. Но это ничего не меняло. Я никогда не брала попутчиков. Опасность порой представ-

ляют самые близкие люди, не говоря уж о посторонних.

Солдат повел носом, невольно развернувшись в сторону кафе. Оттуда тянулся запах прогорклого мяса, способный разбудить аппетит лишь у самых нетребовательных посетителей. Но до звания «посетитель кафе» солдатику было как до Луны. Он походил на заморенного мальчишку без копейки в кармане, по недоразумению напялившего военную форму. От подобного вида сжимается сердце любой матери, но сегодня солдатику не повезло. Трогательная беззащитность не способна разбудить жалость в моем зачерствевшем сердце. Жалость делает человека слабым, а я должна оставаться сильной, иначе мне не выжить.

Я молчала, не люблю говорить без нужды. С помощью слов люди обманывают, глаза всегда честнее словоблудия. Сейчас я не видела противоречия между просьбой и тусклым взглядом солдата, и холод, с которым встретила незнакомца, потерял часть своей силы. Моя напряженная правая рука расслабилась и покинула карман с пистолетом, а затаившиеся в глазах льдинки потеряли интерес к незнакомцу.

Солдаты опустил нос, убедившись, что ему ничего не светит. Ему вновь предстоит идти лесом вдоль обочины, сбивая ноги и прячась от света фар проезжающих автомобилей. Он сгорбился и отступил, чтобы исчезнуть. И тут что-то дрогнуло в моей душе.

– Постой! – я решила дать ему маленький шанс. – Как тебя зовут?

Ему помогло бы единственное имя, довольно редкое среди его сверстников.

– Коля, – отозвался солдатик.

Мои ресницы болезненно дернулись, глаза вспыхнули удивлением. Так звали двух самых близких мне людей, которых я когда-то давно безумно любила.

– Я что-нибудь принесу, – пообещала я.

Придорожная забегаловка мало чем отличалась от подобных, разбросанных по необъятным российским просторам, разве что состав посетителей больше подходил для Ставрополя, чем для Свердловской области. Толстый азербайджанец колдовал под навесом у мангала, равнодушная русская девушка отпускала напитки, пара потных дальнобойщиков заглывала пищу, косясь в окно на грязные фуры, а за центральным столом развалились три самоуверенных горца с Северного Кавказа. Я не утруждаюсь вникать в этнические отличия джигитов и называю всех мысленно «северяне».

От троицы исходила ощутимая на биологическом уровне волна угрозы. Они метнули в меня острые взгляды, которые быстро наполнились презрением. Худая уставшая женщина, облаченная в бесформенные штаны и такую же куртку, не заинтересовала горячих горцев.

– Пора, – услышала я команду Старшего из тройки «северян». – Возьми в дорогу воды.

– Сколько? – уточнил самый Развязный.

– По бутылке.

– Плохо, что сейчас не зима, – угрюмо посетовал третий, ковыряясь в зубах.

Я привыкла сканировать окружающие звуки и немного удивилась. Чтобы теплолюбивые джигиты мечтали о снеге – это, по меньшей мере, странно. Старший, видимо, думал так же.

– Почему? – спросил он.

– На снегу камуфляж хорошо видно, и в лесу долго не просидишь.

– Никуда он не денется, все предупреждены, до утра закопаем.

– Шлепнем и закопаем, – согласился Угрюмый.

Я не стала заказывать сомнительный шашлык, купила бутерброды в фабричных треугольных упаковках и холодный чай в пластиковых бутылках.

– Откуда-куда, красавица? – лениво спросил Развязный, подойдя к стойке.

На подобное заигрывание я даже не оборачиваюсь. Молчание – лучший способ избежать конфликта с незнакомцами. Я размышляла над услышанным: «камуфляж», «никуда не денется», «шлепнем и закопаем». Имеют ли эти слова отношение к голодному солдату в полевой камуфляжной форме, прячущемуся в кустах?

– Гордая, – констатировал Развязный, бесцеремонно рассматривая меня. И с врожденным презрением к женщинам уточнил: – Гордая Цапля.

Я покинула кафе, ощущая на себе его липкий лапающий взгляд. Холодная неприступность лишь подстегнула его интерес. Возможно, поэтому он поспешил выйти вслед за мной. Марка машины и номер могут дать дополнительную информацию о молчаливой хозяйке.

Солдатик дежурил около моего бежевого джипа, явно опасаясь, что я уеду, позабыв об обещании. Он смотрел на мои руки, занятые продуктами, и беззвучно радовался, а я с тревогой понимала, что сделала себя беззащитной. Всего на минуту, пока пройду пятьдесят метров от кафе до машины. В обычной ситуации пятьдесят метров ничего не значат, но сейчас я допустила просчет. Я же слышала странный разговор, который насторожил! Я видела троих наэлектризованных «северян», повадки которых красноречиво говорили, что это не праздные отдыхающие, а бойцы на охоте. Кажется, я знала, кого они ищут.

– Он здесь! – крикнул Развязный, подтвердив мой вывод.

В глубине кафе загремели стулья, затопали ноги, его партнеры выскочили на дорогу. Теперь уже не важно, в чем провинился солдатик и почему за ним охотятся. Не важно, что я не успела заправить машину и не дала корм Пифику. Побоку даже то, что меня причислили к помощнице жертвы. Сейчас важно единственное – я нахожусь на линии огня. А в том, что бойцы вооружены, сомнений нет.

Голодный солдат смотрел на продукты, не замечая опасности. Я, не оборачиваясь, продолжала идти тем же шагом.

У меня были секунды, чтобы подумать. Такой драгоценностью разбрасываться нельзя. Чем больше думаешь, прежде чем действовать, тем меньше потом ошибаешься. Опыт подсказывал, что, пока я заслоняю солдата, бойцы не будут стрелять. Возможно, они вообще не захотят открывать огонь при свидетелях. Но на это надежды мало. Самоуверенность никогда не дружит с дальновидностью.

Бойцы успокоились, они уже уверовали, что легкая добыча в их руках. По большому счету мне наплевать на судьбу солдата, он мне никто. Только как охотники поступят со свидетельницей? Благородство – последнее, что может прийти на ум, глядя в их лица.

Я уже около машины. Сзади неторопливые шаги. Бойцы не спешат, их распирает сознание собственной силы, победа у них в кармане. Да и как может быть иначе, если жертва напоминает беспомощную овечку, а охотники – матерых волchar. Они перекинулись парой фраз. Я не расслышала всех слов, но догадалась, что говорят обо мне. Решается моя участь. Будущее солдата однозначно – «шлепнем и закопаем», а что уготовано мне? И хотя с некоторых пор мне наплевать на собственную судьбу, я категорически против, чтобы за меня решали другие.

Я сую продукты солдату. Тот счастлив, лепечет «спасибо», а мои руки наконец свободны. Желудок солдата сжимается, пересохший рот наполняется слюной. Он думает о предстоящей еде и не понимает, что его жизнь решится в

ближайшие секунды.

Две силы, умеющие убивать, готовы вступить в противоборство.

Развязный первым вышел из кафе и продолжает держаться впереди. Его наглые глазки еще у стойки определили: девка не старая, кожа гладкая, пальчики длинные и ровные, а значит и ноги у незнакомки стройные, идеальной формы. Жизнь среди закутанных по щиколотки женщин научила горца важной примете: чем краше пальчики девушки, тем лучше ее ноги. Если пальцы короткие и толстые, то и ноги такие же гадкие. Если сустав выделяется, то и коленка похожа на узловатый корень. А если щель между пальцами светится, то будь уверен, между бедрами кулак проскочит.

Он смотрит на женскую задницу, следит за походкой и убеждается, что не ошибся – ножки у бабы классные! Ему хочется догнать и шлепнуть женщину по ягодицам, но пока есть задача поважнее. Старший уже шепнул: «Пакуем обоих и отвозим в лес на их машине». Осечки не будет. Даже если вооруженную компанию остановят менты – им ничего не грозит. Солдат объявлен дезертиром, Гордая Цапля – его пособница, а у них есть документы сотрудников милиции одной из северокавказских республик. Настоящие, без фуфла! И оружие у них табельное. А что на Урал занесло, так они люди подневольные – командировка. В их республику ментов со всей России пачками отправляют, а это ответный визит.

Развязный согласен с решением Старшего – брать надо обоих. Только прежде чем закопать Гордую Цаплю, он срежет ее штаны. Во-первых, чтобы проверить народную примету: ровные пальчики должны соответствовать стройным ножкам. А во-вторых, Старший запретил баловство с девками, пока не выполнено задание, но к тому времени с солдатом будет покончено, почему бы не порезвиться? Да и Угрюмый его поддержит.

От этих мыслей Развязный расслабился. И зря!

Я распахнула дверцу, втокнула на заднее сиденье солдата, а сама прыгнула за руль. Пока Развязный вытаскивал пистолет из кобуры-оперативки, мой компактный корейский джип выскочил на трассу.

– Не стреляй! – пресек Старший подчиненного. – За нами!

В зеркало я заметила, как тройца побежала к черному внедорожнику «БМВ», стоявшему у кафе. Мощный баварский автомобиль резко сорвался с места, устремившись в погоню за «корейцем». Отрыв, который удалось обеспечить, быстро сокращался.

Погоня будет недолгой, с досадой поняла я. Что делать? Дотянуть до людного места? Но я только что покинула подобное, да и вели себя противники с уверенной наглостью хозяев, словно были облечены атрибутами власти. К тому же я еду не на прогулку. С моим арсеналом в багажнике и «послужным списком» надеяться на помощь официальных органов – сущее безумие. Тогда что? Гнать до последнего? Но у машины бензин на нуле, раскочегаренный двигатель может поперхнуться в любой момент. Черт меня дернул проявить жалость к голодному солдату!

Сделав одну ошибку, не суетись – тут же наскочишь на следующую, еще более грубую. Паника – худший советчик.

Эти простые правила достались мне потом и кровью, впечатались огромными буквами в список приобретенных навыков. На той же доске памяти выбит и такой постулат: «когда нет выбора – делай то, что ты умеешь лучше всего».

Я увидела впереди поворот, дорога ныряла за лес. Высокие деревья скроют меня на несколько секунд. То что надо! Свернув, ударила по тормозам в ста метрах за поворотом. Вскочила из машины, распахнула багажник и рывком извлекла любимую винтовку с откидным прикладом. Локоть уперся в капот, ладонь обхватила пупырчатое цевье, плечо почувствовало изгиб приклада, глаз привычно искал цель сквозь оптический прицел. Ну, покажитесь! Я готова к встрече. Расстояние идеальное, не промахнусь!

Из-за поворота, накренившись на левый бок, вываливается перекошенное рыло «БМВ». Первый выстрел в колесо под нагрузкой. Умница-пуля вырывает клочок из широкого протектора. Напичканный электроникой «баварец» пьяно елозит по шоссе, но удерживается на дороге и тормозит, развернувшись боком. Я вижу горловину бензобака. «Отлично! Тир еще не закрыт, ребятки». Следующие два выстрела по бензобаку. Один над другим. Через верхнюю дырку всасывается воздух, из нижней на колесо хлещет топливо. Преследователи, в отличие от меня, успели заправиться.

Очумелые «северяне» выскакивают из подбитой машины. Две секунды шока, и профессионализм берет свое. Противники скатываются в укрытие. Один занимает позицию на ле-

вой обочине, двое – на правой. «Бывалые ребята». Три пистолета чихают огнем, но с такого расстояния они выполняют функцию пугачей. Кажется, противники это понимают. В следующий раз огненная точка справа появляется ближе. «Да они еще и не дураки».

Из поврежденного бака вылилось достаточно топлива. Осталось проверить – это солярка или высокооктановый бензин? Я опускаюсь на колено. Нужна пологая траектория. Выстрел. Пуля чиркает по асфальту, высекая искры. Мокрое пятно вспыхивает. «Вам не повезло – бензин!» Огненный язык дрожит от возбуждения, скользит по колесу, лоснящемуся крылу и юркает в бензобак. Противостоять такому вторжению «баварец» бессилён.

Ухает взрыв! Машина подпрыгивает с изящностью пьяного слона. Ошметки горящего металла разлетаются по обочинам. Воздух на миг уплотняется, моей щеки касается горячая волна, будто дохнуло из приоткрытой двери сауны. Мягкое тепло приятно. А вот мои противники гораздо ближе к жаркой «печке» и наслаждение сейчас вряд ли испытывают.

Однако я уверена, что они не пострадали. Степень наказания пропорциональна ужасу преступления. Это тоже правило. Пока мне только угрожали, и я огрызнулась. Я стараюсь работать так, чтобы исключить лишние жертвы.

За этот принцип семнадцать лет назад с легкой руки местного борзописца меня и прозвали Светлым Демонem.

В то лето мне исполнился двадцать один год – возраст расцвета юного тела, возраст любовных грез и безудержного оптимизма, возраст, который не замечают, потому что вся жизнь впереди. Но моя жизнь закончилась. Короткое счастье завершилось в прошлом году в холодной реке с быстрым течением. И наступила тьма. Во мне умерло почти всё, я превратилась в сдутый шарик. Лишь телесная оболочка зачем-то топтала грешную землю.

И вот я иду по главной площади Валяпинска.

В отличие от других улиц здесь чисто и красиво. В центре – блестящая серебрянкой фигура Ленина с указующей рукой и растопыренными пальцами. За ним старинный собор из красного кирпича с пятью лысыми голубыми луковками. Большевики еще в 20-х спилили кресты и содрали позолоту, хотели и храм взорвать, да уж так удобно в нем было лошадей держать, пока товарищи в соседнем здании заседают. Зимой скотина не мерзла, летом не парилась. Потом обустроили гараж с ремонтной мастерской, а в 50-х собору совсем уж повезло – краеведческий музей организовали. Но вывеской поповскую сущность не прикроешь, и вождю пролетариата негоже пялиться на пережитки прошлого. Перед его недремлющим оком желтое четырехэтажное здание с белыми полуколоннами. Около дубовых дверей в полтора че-

ловеческих роста висят солидные таблички с гербами и золочеными буквами на бордовом фоне. Самый крупный шрифт повествует, что здесь работает мэр города Валяпинска.

Я редко бывала на центральной площади с безупречным асфальтом. Моя школа-интернат для сирот находится за городом на разбитой дороге. С глаз долой – из сердца вон. По такому принципу власти подбирают место для интерната не только в Валяпинске, а по всей стране. Это не волюнтаризм бездушных чиновников, а взвешенное решение, продиктованное разумной целесообразностью. Что вы хотите, если по статистике сорок процентов выпускников сиротских интернатов совершают преступления, столько же становятся алкоголиками и наркоманами, а каждый десятый кончает жизнь самоубийством. Потенциальные отбросы общества принято держать подальше от полноценных детишек. Моя судьба, к сожалению, не улучшит печальной статистики.

Между интернатом и городом располагается медеплавильный комбинат, главные цеха которого построили еще в царское время. Горы черных отвалов и сизый дым из закопченных труб – единственный доступный пейзаж для воспитанников интерната. Он как бы намекает: вот ваше будущее, совсем рядом, а в город и соваться незачем.

«Работать на комбинате очень почетно!» – усердно вдалбливали преподаватели воспитанникам, начиная с младших классов. Казалось, это была основная тема по всем предметам. Нас водили в цеха на экскурсии и даже разрешали брать

с собой застывшие медные брызги, огненным дождем сыпавшиеся при переливании из огромного ковша в чугунные формы. Из-за опасных тысячеградусных брызг рабочие в горячем цеху, где даже дышать было трудно, ходили в валенках, бушлатах и железных масках. Такая же участь была уготована и интернатским мальчишкам. Девчонок распихивали по другим цехам. К моменту выпуска документы воспитанников скопом переправлялись в отдел кадров медеплавильного комбината.

А мне повезло! В семнадцать лет меня вместе с закадычной подругой Ленкой Бариновой зачислили посудомойками в заводскую столовую. Пусть здесь платили поменьше, чем на сортировке руды, зато не надо было каждый вечер отмыывать в общаге холодной водой лицо и руки от пыльной корки и отхаркивать черную дрянь, оседавшую в горле, несмотря на респиратор.

Вчера Барсук провез меня по центральной площади, объяснил, как действовать. К зданию с табличками он не подъезжал. Там запрещающий знак. Я знаю правила дорожного движения. Муж Николай, работавший шофером, успел обучить меня вождению. Мы мечтали купить подержанный автомобиль и ездить с ребенком по выходным на лесное озеро...

Но это было еще до того дня, когда Мир Рухнул. В двадцать один у меня уже нет мужа, как нет и второго маленького Коли. Я совершенно одна, и у меня нет выбора. Вопре-

ки своей воле я вынуждена топтаться на этой площади с пистолетом в пакете в ожидании важной персоны.

Середина 90-х. Идет передел собственности. Уральские комбинаты, заводы и рудники в одночасье превратились в лакомые куски для многих лихих людей. Оказывается, невзрачная продукция имеет реальную цену в твердой валюте, несравнимую с копеечными затратами на работяг.

Однако этих подробностей я еще не знаю, мое внимание сосредоточено на площади. «Увидела-сфотографировала-проанализировала», – как вдалбливал Кирилл Коршунов, мой лесной учитель.

Я вижу, что подходы к городской администрации охраняются милиционерами. Но это громко сказано. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что здесь собраны самые нерасположенные из людей в погонах. Их трое. Несут дежурство «постольку поскольку» и страшно завидуют коллегам, которые сшибают деньгу на «хлебных» местах: около вокзала, на рынках, у автостанции.

Лишь избранные автомобили со спецпропусками могут подкатить к подъезду красивого особняка. Я жду одну из таких машин, самую видную в городе. Когда-то я ждала вымышленный белый лимузин с родителями, сегодня мне нужен реальный черный «Мерседес».

А вот и он. Шурша шинами, блестящий автомобиль степенно огибает памятник Ленину.

Я ускоряю шаг, верчу задом. Ленивый сержант милиции

плянется на шустрые девичьи ножки. По-моему, он пытается разглядеть фасон моих трусиков под легким платьем. Типичный кобель в форме. Одна извилина – и та от фуражки. На пластиковый пакетик в моей руке он не обращает внимания. Да и с чего волноваться? Обстановка на площади спокойная, качков в спортивных костюмах не наблюдается, митингующих старушек тоже. На это и сделан расчет.

Милиционер с сожалением отлепляет взгляд от моей тугой попы, готовясь вытянуться перед мэром города. «Мерседес» останавливается у парадного подъезда. Шофер выходит и распахивает заднюю дверцу. Появляется надменный мужчина в строгом костюме с дорогим портфелем. Он красив и ухожен, явно нравится сам себе, во взгляде неприкрытый апломб: «Мне можно всё!» Шлейф кондиционированного воздуха доносит из распахнутого салона ауру богатства и излишества. Это господин Марчук, мэр города.

Я помню многочисленные плакаты с его жизнеутверждающей физиономией: «Вы – мои избиратели, я – ваш слуга!» «Это ж какие бабки надо отвалить такому мачо, чтобы он согласился работать слугой?» – вопрошала потрясенная Ленка.

Но выборы давно позади. Бывший комсомольский работник, поднявшийся на первой волне демократии, спешит в просторный кабинет. До спасительных дубовых дверей ему четыре шага, а до скромной девчонки – десять. Я для него электорат. «Вас много, а я один», – объясняет его снисходительный взгляд. Он скользит наглыми глазками по моему

дешевому платью, отмечает талию и стройные ножки. И вот уже читается: «Если тебя приодеть, а потом раздеть...»

Я знаю не понаслышке, о чем он думает. Фантазия рисует ему бесстыдную благодарность осчастливленной простушки. Он привык, чтобы его просили и благодарили. Желательно в разных позах и с фантазией. У него особый бзик – он коллекционирует победы над девственницами. Не одна интернатская девчонка прошла через его постель.

Марчук вглядывается в меня, решая, подхожу ли я для его коллекции. Он смотрит на молодую плоть, даже не ведая, что четыре года назад нагло ограбил эту девушку. Как, впрочем, и многих других сирот. Но разве большие чиновники обязаны помнить каждое свое воровство?

Я изображаю улыбку, хотя это трудно. Жизнь разучила меня смеяться. Сквозь целлофановый пакет нащупываю рукоять пистолета. Предохранитель заранее снят, затвор взведен. С такого расстояния не промахнуться. Я поднимаю руку. Надо сделать два выстрела, как приказал Барсук.

Сначала в грудь. А потом в голову...

Я убираю снайперскую винтовку и плюхаюсь за руль «корейца». Внутри клокочет злость на собственную глупость. В минуты смертельного риска я действую автоматически, как вышколенный солдат, а сейчас по-женски проклиная себя за то, что вляпалась в опасную историю. В ста метрах догорают остатки «БМВ». Где-то рядом затаились ошеломленные «северяне». Вот-вот они отойдут от шока и захотят поквитаться. Месть для них равносильна чести, и мстить они будут мне.

Ох, не к добру моя жалость. И всё из-за него!

– Выметайся из машины! Живо!

Солдатык молчит. Ни жив ни мертв.

– Ты что, не понял? Получил жратву – убирайся!

Он пучит глаза и выдавлиывает:

– Кто вы?

Дурацкий вопрос! Сейчас не время растолковывать, что чем мощнее машина, тем больше ее бензобак и тем уязвимее она для умного снайпера.

– Ты выйдешь сам, или я тебя выкину! На размышление – одна секунда!

– Я... Они меня убьют.

– А мне-то что?! Ты просил еду – ты ее получил!

Секунды тикают. Рядом обозленные враги. Пора сматываться. Я выхожу, распахиваю дверцу и дергаю солдата за

шиворот. Парень прижимает к груди нераспечатанные бутерброды и смотрит на меня снизу вверх. В глазах тоска и покорность. Сзади него на полу прозрачное пластиковое ведро, в нем самое милое на свете существо – черепашка Пифик. Вытянутая шея обращена к хозяйке, рот приоткрыт, а в глазах...

Черт! Лучше бы я не смотрела! Взгляды беспомощных голодных самцов так похожи между собой.

Хлопает выстрел. Я слышу свист пули.

Мои пальцы разжимаются. Солдатик прав, если я его брошу, его прикончат. «Северяне» звереют от обиды и вымещают злость на слабых. Сколько ему лет? Еще меньше, чем мне в тот день, когда Барсук подло кинул растерянную девчонку на растерзание патрульных.

...Семнадцать лет назад на главной площади Валяпинска я выстрелила в мэра дважды. В грудь. И еще раз в грудь. Марчук не упал после первого выстрела, лишь выпучил глаза и раскрыл рот. Непристойная фантазия мачо захлебнулась недоумением. И я не смогла выстрелить в лицо, удивленно смотревшее на меня.

Тем самым я нарушила правило.

Первая ошибка повлекла следующую. Барсук приказывал сразу после выстрелов бросить пистолет и бежать. И я побегала, двинув коленом в пах тупому сержанту милиции. Он трансформировался из истукана в скорчившегося эмбриона. А каменный истукан на постаменте остался в прежней позе,

указывая рукой на место преступления и как бы восклицая: «Вот до чего докатились, отринув мои идеалы».

Я устремилась не в тихий переулок, куда велел Барсук, а на людную улицу. Уже за углом я заметила, как от меня шарахаются прохожие. Потные пальцы продолжали сжимать пистолет, на этот раз черный ствол грозно торчал из разлетевшегося в клочья пакета. Количество свидетелей множилось. Я поняла оплошность и свернула на соседнюю улочку.

А вот и спасение! Рыжая «копейка» торчала на том же месте, где меня высадил Барсук. Я запрыгнула внутрь и выдохнула:

– Гони!

Но за рулем никого не было!

Сердце беспомощно колотилось. Меня бросили! Барсук испугался!

Однако вскоре я поняла, что действительность гораздо хуже.

Ключи торчали в замке зажигания, я перелезла на водительское сиденье. Любимый муж успел научить меня азам вождения.

Поворот ключа, долгое вжиканье под капотом и – ничего! Еще одна попытка. Бесконечное зудение стартера, и вновь двигатель не заводится!

А спереди на улочку вырывается милицейский автомобиль и перегораживает дорогу. В машине двое. Один что-то говорит в мегафон и предлагает сдаться. А второй выходит

и сразу начинает стрелять. Лобовое стекло вдребезги! Мент в штатском смело идет навстречу и продолжает палить.

И тут я узнаю его. Это Барсук!

Секундный шок – и ясное понимание.

Он оказался милиционером и всё подстроил! После выполнения задания он хочет меня убить!

Барсук накануне подробно рассказал мне, что и как делать, а сегодня привез на место и должен был ждать в «копейке». А сам пересел в дежурную машину милиции! Он подстерегал меня в намеченном переулочке и шлепнул бы там, если бы я туда сунулась. Он неспроста спрашивал, умею ли я водить машину. Его порадовал ответ. Барсук предусмотрел и запасной вариант – вдруг я смогу прорваться к машине. «Копейка» не заводится по его вине! Сейчас я умру за рулем, и легко будет доказать, что я сама приехала сюда. А убийство мэра – всего лишь личная месть сумасшедшей обманутой сироты.

Он всё продумал, но не учел главного. Я отлично стреляю. Три недели подготовки под руководством Кирилла Коршунова не прошли даром, у меня открылся талант снайпера. Барсук не раз талдычил мне, чтобы я бросила ствол на месте акции. Это азбука, так делают профессионалы, заявлял он. Но я не профессионал, а перепуганная девчонка, потерявшая на время голову. Он смело прет на меня, потому что уверен – жертва безоружна. Я нужна ему только мертвой!

Как бы не так! Если я захочу стать жертвой, то свою судьбу

решу сама.

Я вскидываю пистолет и, практически не целясь, нажимаю на курок. Барсук дергается, оружие выпадает из его простреленной руки. Самоуверенное секунду назад лицо превращается в одно сплошное удивление. А затем искажается от страха.

Но Барсук не сдается. Он тянется здоровой рукой за пистолетом, но я уже полностью владею ситуацией. Следующая пуля разбивает косточки в его растопыренной ладони. Он падает на колени.

– Убей гадину! Шмаляй! – ревет раненый опер, дважды за час ставший предателем. Сначала он предал служебный долг, затем беспомощную девчонку.

Но обстановка изменилась. Я знаю, что делать.

Я вижу перед собой машину, на которой можно уехать, и смело иду к ней. Предатель Барсук корчится от боли, пытается отползти, но понимает, что обречен. Наши взгляды встречаются, презрение наталкивается на страх, секунда кристаллизуется в вечность. Я плюю в него и прохожу мимо. Мокрый от пота Барсук валится на дорогу.

Ствол моего пистолета направлен на дрожащего милиционера в машине. Тот, наконец, выдернул табельное оружие и пробует прицелиться. Его руки дрожат, мои нет. Звучат сразу два выстрела. Одна пуля крошит кирпич в стене дома за моей спиной, другая рвет руку и застревает в локте.

Я спихиваю раненого с водительского сиденья и сажусь за

руль. Пистолет на коленях, сосульки слипшихся волос задевают ресницы. Подстраиваю зеркало. И вижу под юным обличьем повзрослевшую на двадцать лет женщину. Я веду захваченный автомобиль и молчу. Я еще не понимаю, в кого превратилась. Милиционер скулит, перекосившись от боли, и ждет неминуемой смерти.

Выехав из города, я останавливаюсь и командую:

– Вылезай!

Он просит пощады и говорит много слов. Я ничего не хочу слышать и выталкиваю его на обочину. Двигатель работает, дверца остается открытой, на коленях пистолет. Милиционер зажмурился и ждет выстрела. Но вместо пули из салона вылетает аптечка.

– Наложите жгут, – советует вооруженная девчонка, умеющая точно стрелять.

Эти слова он потом не устанет повторять следователю и журналистам.

По горячим следам меня не поймали, но личность установили быстро. Светлана Демьянова.

Возможно из-за имени, а может из-за того, что, расправившись с алчным чиновником, от которого многие пострадали, я пощадила простых оперативников, кто-то из впечатлительных журналистов назвал меня Светлым Демоном. Кличка прижилась, вышла за пределы области и давно фигурирует в сводках федерального розыска.

Серость часто побеждает яркость, особенно в российской глубинке. Даже солнце, как ни тужится, сердешное, но пасмурных дней на просторах от Охотского моря до Балтийского гораздо больше, чем ясных. Серенький корейский джип едет дальше, а от породистого блистательного «баварца» остается тлеющий скелет и зловоние жженой резины.

Солдатик жадно ест бутерброды. Крошки сваливаются с его губ, попадают в ведро к Пифику, но черепаха их игнорирует. Животное ждет зелень. Пифику терпения не занимать, он может ждать так целую неделю. Этим он похож на свою хозяйку.

Ведь что самое главное в профессии киллера? Не тренированное тело и умение драться. Не владение оружием и быстрая реакция. Даже не конспирация и искусство замечать следы. Самое главное в этой скверной профессии – умение ждать и не расслабляться.

Однажды я шесть часов провела в застывшей позе ради секундного шанса. Дернулась занавеска в окне, мелькнул горбоносый силуэт – я плавно спустила курок. Шесть часов – и один выстрел. Это рутина профессии. Были в моей практике ожидания и похлеще.

Три недели подряд, каждый день по несколько часов, я караулила в одном и том же месте очень предусмотритель-

ного господина. Тот совершил столько гнусных дел, что прекрасно знал – будут мстить. Он окружил себя лучшими телохранителями. Бронированный автомобиль с джипами сопровождения, разные пути следования, у дома и офиса грамотно перекрыты все траектории обстрела, никаких посещений клубов и ресторанов, никаких прогулок. В общем, не подступиться. За полгода спалились три бригады киллеров, устраивавших взрывы и пальбу из гранатометов. Лишались жизни невинные люди, а богатый умный мерзавец всякий раз оказывался невредим.

И тогда заказ достался мне. На кону стояли не столько большие деньги, сколько моя репутация. В определенных кругах знали, что если Светлый Демон берется за заказ, то выполняет его всегда, работает чисто и исчезает бесследно.

Я проанализировала ситуацию и поняла: единственный шанс – надеяться на случай. Как ни странно звучит, это тоже стратегия. Я узнала, что в конце восьмидесятых мой клиент поднялся на торговле цветами, считал себя знатоком нежных растений и любил сам выбирать букеты. Как часто он покупал цветы, было неизвестно, но я догадывалась, что по требованию охраны он делал это спонтанно в разных местах. «Безопасных» точек на его маршрутах было несколько. Я выбрала самую трудную для атаки и каждый вечер дежурила на крыше пятиэтажки напротив одного и того же цветочного павильона. До возможной цели двести метров, листва деревьев, широкая трасса, сумерки, а порой и пелена дождя.

Кортеж клиента несколько раз проносился мимо, но я вновь и вновь возвращалась в засаду. И расчет оправдался. Трехнедельное упорство подарило мне полторы секунды прямой видимости между прицелом винтовки и головой клиента...

Я взглянула в зеркало заднего вида и хмыкнула. Непосредственность растапливает любую обиду. Такого восторга от приема пищи вы не увидите ни в одном ресторане высокой кухни. Я почувствовала себя хозяйкой, сумевшей угодить взыскательному гостю.

– Запивай, а то подавишься, – посоветовала я голодному солдату.

– Угу.

– Ты кто?

– Коля, – глотнув холодного чая из бутылки, ответил солдатик.

– Это я уже слышала. Ты сбежал из части? С оружием? Коля испуганно замотал головой.

– Почему же тебя ищут кавказцы? Они ребята не простые, это бойцы.

– Я хотел... подработать.

– У них?

– Нет.

Я свернула к АЗС. Стрелка уровня топлива застыла на нуле. Не хватало еще заглохнуть посреди трассы. Я надвинула на лоб бейсболку, вставила заправочный пистолет в горловину бензобака и пошла платить. Сквозь маленькое тол-

стое стекло кассы проглядывало сморщенное мужское лицо с шустрыми глазками.

– Издалека? – спросил кассир, принимая деньги.

Я обернулась. Под освещенным козырьком хорошо читался передний номер моего автомобиля с кодом Московской области. «А номера придется сменить, – с досадой подумала я. – Засветилась раньше времени».

– Издалека, – пришлось подтвердить очевидное, и раз возник разговор, я решила навести справки. – Заметила неподалеку голосующего солдата. Это не подстава? У вас на дорогах не шалят?

– Солдата? Так его второй день ищут!

– А что случилось?

Как всякий любопытный человек, кассир оказался и словоохотливым.

– Из охранения бежал, с автоматом. Неуравновешенный психопат, убить может любого! Нас предупредили: в разговоры с ним не вступать и сразу сообщать куда надо.

– Автомата я у него не видела.

– Под одеждой спрятал. Вы же мимо проехали? – Кассир сверлил меня придирчивым взглядом, норовя заглянуть под козырек.

– Ну, да.

– А вот если бы остановились, не видать вам своей машины.

– Да уж, повезло. А откуда он сбежал?

– У нас тут фармзавод был. Небольшой. Антибиотики выпускал, еще в советское время. Потом завод закрыли. Он долго никому не нужный стоял, а в этом году сносить стали. Торговый центр будут строить. Так там с месяц назад военную охрану выставили. Вот оттуда солдат и дал деру.

– Стройку автоматчики охраняют. Зачем?

– Там вроде опасную химию обнаружили. А вообще-то, охрана нигде не мешает. У нас народец шустрый. Если где-то что-то плохо лежит – ух! В прошлом году мне провода срезали. Тут, за стеной, и под напряжением. Два дня заправка не работала.

– Поймали воров?

– Во второй раз – да. Я ведь из военных. – Кассир гордо выпятил грудь.

Я догадалась, что он презирует свою работу и смотрит на окружающий мир словно через амбразуру танка, выгадывая момент, когда понадобятся его прежние навыки. Я вспомнила о «северянах». Какое им дело до дезертира?

– Выходит, солдата военные ищут, – раздула я огонек беседы.

– Ко мне из милиции приезжали. Телефончик оставили. Вот. – Кассир придвинул листок. – Самому Барсукову звонить надо.

– Кому? – я невольно напряглась. – Вы сказали – Барсукову?

– Да, Геннадия Андреевичу Барсукову. Начальнику го-

родской милиции.

Барсук! Неужели тот самый? Тогда он был оперативником в звании старшего лейтенанта, а вел себя как бандит.

Спустя несколько лет опытный милиционер старой закалки доходчиво объяснил мне, что настоящий опер всегда ходит по лезвию бритвы. С одной стороны Закон, с другой Беззаконие. Свалишься в строгий Закон – уходи в следаки или адвокаты. Рухнешь в Беззаконие – дорога тебе в преступники. Барсук еще тогда свалился в Беззаконие, но расставаться с погонами не спешил. Новые времена не требовали от ментов искусства канатоходца, а позволяли прыгать с одной стороны на другую, всюду извлекая выгоду.

Барсук лично разъяснил мне, в кого и где надо стрелять. Он привез меня к зданию мэрии, а потом хотел тут же прикончить и получить повышение по службе. Одноразовый киллер – вот как называется уготовленная мне в тот день участь.

Он или нет? Имя-отчество мне ни о чем не говорило. Семнадцать лет назад я знала его только по кличке, которая ему явно подходила. Мелкий хищник с острыми зубками.

Барсук!

В юности, как и большинству девчонок, мне нравились мужчины с хорошей фигурой и военной выправкой. Я была высокой и стройной девушкой и, конечно, представляла рядом с собой широкоплечего парня с узкими бедрами, сильными руками и уверенным взглядом. Подлец Барсук был именно таким!

Ох, девочки, не клуйте на фасад, смотрите глубже – в глаза, в душу, а главное, в голову избранника проникните! Там и характер, и ум, и мысли сокровенные.

Барсук встретился мне позже, в двадцать один, когда моя жизнь уже рухнула с обрыва и ничего не стояла.

А в шестнадцать лет я впервые увидела Николая.

Его провожали в армию. Размалеванная губастая деваха с толстой задницей под короткой юбкой висела у него на шее и бесстыже слюнявила подбородок.

– Ирка, ты меня дождешься? – спрашивал парень.

Пьяная больше призывника девица клялась в вечной любви, терлась бедрами и пускала слезу. Она держалась за крепкую фигуру, потому что стоять сама не могла.

– Все слышали! – гудел парень и бил себя в грудь. – Ирка Жаркова будет ждать Колю Демьянова из армии и хранить ему верность!

Так я узнала имя молодого человека, который мне очень

понравился. Я, девчонка из интерната, с завистью смотрела на шумную веселую компанию. Вот если бы меня полюбил такой парень, мечтала я и заливалась краской.

Наверное, мои глаза излучали такое пронзительное тепло, что Николай заметил светло-русую девчонку в невзрачной одежде, стоявшую неподалеку. Он даже отстранился от своей подруги и улыбнулся мне. Я окончательно смутилась и поспешила уйти. Но когда через пару десятков шагов я обернулась, стройный парень всё еще смотрел мне вслед. Я вспыхнула и потупилась. Озорные мужские глаза подмигнули мне и обожгли уголками счастья.

Через год я с подружками регулярно бегала из интерната на дискотеку во Дворец металлурга. Там я вновь увидела ту самую Ирку Жаркову, которая в слезах проводила в армию Николая Демьянова. Подвыпившая Ирка в грохоте музыки и свете вспышек бойко вертела тяжеловесной нижней частью, периодически бросаясь в объятия к носатому крепышу в спортивных штанах с косыми яркими полосками ниже колен. На парне белели модные кроссовки с длинным языком и пластиковыми вставками, он чувствовал себя королем. Меня удивило и обидело поведение девушки, ведь она же клялась в верности и любви! А как же Николай? Она забыла его? Или танцы – ничего не значащие дружеские ужимки?

Я проследила за Ириной. После дискотеки та сразу откололась от компании. Ее по-хозяйски увлек в кусты парень в белых кроссовках. Девчонка хихикала и не сопротивлялась.

Я стеснялась идти дальше. Возможно, я слишком плохо думаю о людях. В интернате крупницы добра и святости бултыхаются в грязном болоте зла и блуда. Но ведь мир не ограничивается сиротским приютом. Должны существовать нормальные отношения, где слова не расходятся с чувствами. Ирка Жаркова из благополучной семьи, это видно по ее фирменным шмоткам. Она должна быть чище меня.

И все-таки я двинулась дальше. Ради истины. Ради призывника с озорными глазами, которые умеют обжигать счастьем.

– Ого! Да ты не Гера, ты Геракл. У тебя такой мощный! – слышится бесстыдный женский шепот.

– Давай, начинай, – нетерпеливо требует парень.

Пьяные смешки прекращаются. Я крадусь сквозь темные кусты на другой звук. Сначала я не понимаю его природу. Но вот уже виден парень. Он по грудь торчит над кустами, его голова запрокинута, а глаза закрыты. Ирки не видно. Лишь частые скользкие звуки откуда-то снизу. Так чавкают влажные губы, когда ими жадно сосут... Нет, не карамельку!

Я – интернатская девчонка, и этим все сказано. Светло-карие глаза у меня от папы, белокурые волосы от мамы. Или наоборот. Я не знаю! И неизвестность гложет меня всю жизнь. Если вам про себя это известно, поверьте, счастье состоит вот из таких мелочей! А не из той грязи, которую сирота познает намного раньше вас.

Я прекрасно догадываюсь, что происходит за кустами, но

всё ещё надеюсь на чудо, которое должно быть, пусть не в моей, а в другой нормальной жизни, где любовь и верность ходят рука об руку!

Ладони раздвигают кусты. Чуда нет. Ирка на коленях перед спущенными штанами с яркими полосками. Толстые губы вытянуты, подбородок ходит туда-сюда. Носатый парень замечает слезку и ухмыляется.

– Тоже хочешь? Пристраивайся.

Ирка, не отвлекаясь, косит затуманенным взором. Я убегаю, не разбирая дороги, тело царапают хлесткие ветки. Сзади слышится глухой женский смех, по которому ясно, что рот у Ирки по-прежнему занят.

Еще через год я встретила Николая Демьянова.

В то время я уже работала в столовой медеплавильного комбината и выбежала на минутку из душной кухни на задний двор. Там разгружалась машина с продуктами. Шофер курил, стоя на дебаркадере. Я спиной почувствовала заинтересованный взгляд и ничуть не удивилась. Все девчонки на кухне ушивали халатики по фигуре и надевали их поверх белья. Белая ткань в меру просвечивала и привлекала мужское внимание.

– Привет, – послышалось за спиной. Я неохотно обернулась. – Помнишь, два года назад, я в армию уходил? На при вокзальной площади?

Я обомлела, пораженная встречей с тем самым Колей, который порой мне даже снился.

– А я тебя помню, – продолжил он, думая, что я его не узнала. – Могу рассказать, в каком ты была платье.

Он в точности описал мою одежду, по-доброму вглядывался в лицо, а в его глазах неотвратимо разгорались уже знакомые колющие угольки.

– Ты кого-нибудь провожала в тот день?

– Нет, – поторопилась ответить я и, покраснев, призналась: – Я тебя тоже запомнила.

– Демьянов! – крикнула пышная заведующая столовой и сверкнула в меня глазами. – Принимай тару!

Он заторопился, спросил:

– Ты когда заканчиваешь?

– В шесть.

– Я тебя подвезу.

– Да мне тут близко. В общежитие.

– Всё равно подвезу! Жди! – и умчался.

После работы я специально замешкалась, чтобы ушли девчонки. Распустила хвостик, расчесала светлые волосы, которыми гордилась, и вышла в шесть двадцать. Ни Демьянова, ни его машины! В груди кольнула обида.

Не дождался, забыл. А может, пригласил другую? Ну и пусть! Не нужен мне такой!

Я прикусила губу и поплелась к проходной. Автобус в город, конечно, уехал. Следующий будет через полчаса. Я упрямо топала вдоль дороги, чтобы усталость набрала вес и придавила тоску. Сзади кто-то догнал, посигналил.

Не надо мне больше доброхотов!

А сверху знакомый голос:

– Прости, на базе задержали.

Я не знала – злиться или улыбаться.

– Меня Николаем звать, а тебя как?

– Света. – Губы дрогнули и расплылись в улыбке.

Он подал руку. В кабине было жарко, окна открыты, и ветер, издеваясь, доказывал бесполезность любых расчесок. Николай рассказывал об армии, и с его слов выходило, что служба состоит из подколов и шуток, которые, впрочем, я не все понимала. Я думала, знает ли он об Ире и какие у них теперь отношения.

– А Ира? – неосторожно вырвалось у меня. – Та девушка, которая тебя...

Я умолкла, заметив, как заиграли желваки на мужских скулах.

Выходит, знает.

Шутки как отрезало. Николай молчал, а потом вдруг выпалил:

– Все девки суки! У вас в интернате небось трахаются лет с четырнадцати? Или я оптимист? С тринадцати?

Я отодвинулась. За год «взрослой» жизни меня не раз попрекали интернатом. Уже два моих одноклассника загремели в колонию. Оба за хулиганку. Хватались за ножи в ответ на словесные обиды.

– Чего молчишь? А то я не знаю, что у вас там творится!

- Люди разные... В интернате тоже, – тихо заметила я.
- Дают, как только сиськи вылупятся? Да?
- Есть и такие, – согласилась я.

Грузовик внезапно остановился. Разогнавшаяся придорожная пыль залетала в окно, оседала на покатый капот.

- А ты? – спросил Николай, кося глазами на мои коленки.
- И что бы ты хотел услышать? Какую тебе надо?

Тяжелое молчание давило. Я дернула скобу на двери и выпрыгнула из кабины.

– Дурак! – выкрикнула я и быстро зашагала вперед, чтобы он не заметил моих слез.

8

– Так, где вы встретили солдата? – вкрадчиво поинтересовался разговорчивый кассир АЗС. По-моему, он повторил вопрос уже дважды.

– Что? – Я с трудом стряхнула воспоминания.

– Я про солдата. Где вы его видели?

– Там, – неопределенное движение рукой. – Минут пять-шесть отсюда.

– Разговаривали с ним?

– Зачем мне псих? – уклончиво ответила я, забирая сдачу.

– А мимо огня вы проезжали? – мужчина почти прилип носом к стеклу.

– Какого огня? – я пожалела, что не надела темные очки.

– Вы должны были заметить. Была яркая вспышка. Даже мне было видно. Что там случилось?

– Не знаю, не видела. Мне пора. – Я поторопилась уйти от въедливого кассира.

Женщина оператору АЗС не понравилась. Одета по-мужски, прячет глаза, уходит от ответа – но даже не это главное. Сокращенный в 90-х армейский капитан навек усвоил запах пороха и сейчас учуял его от рук клиентки – сквознячком затянуло в щель, когда она расплачивалась. Так же пахло от его ладоней после стрельбы, пока руки с мылом не отдраишь.

Он вытянул шею, провожая гостью бдительным взглядом. Когда она открыла дверцу автомобиля, в салоне вспыхнуло освещение. Кассир заметил фигуру на заднем сиденье, которая тут же опустилась. Ему показалось, что на пассажире кепка камуфляжной расцветки с высокой тульей, именуемая в армии полевой фуражкой.

– Замечательная ты наша. Солдата в темноте заметила, а вспышку огня нет. Зато я всё вижу и всё чую, – бурчал отставник, набирая телефонный номер полковника Барсукова.

Это был уже второй звонок за последние пять минут начальнику УВД по Валяпинску Геннадию Барсукову. Сообщения прекрасно дополняли друг друга. Сначала коллега с Северного Кавказа, злобно матерясь, доложил о сучке в широких штанах, стреляющей как дьявол. Затем последовало обстоятельное описание женщины с запахом пороха от рук и прячущегося пассажира в солдатской фуражке. В результате полковник знал марку, цвет и номер подозрительного авто-

мобилия, а также направление его движения. Сложив дважды два, он догадался, что в салоне находится беглый солдат, которого надо поймать. И не просто поймать, а уничтожить! В самое ближайшее время!

Иначе досадная неприятность перерастет в Большую Проблему.

Вот только новое действующее лицо появилось в его владениях совершенно некстати. Проанализировав еще раз полученные сообщения и покопавшись в профессиональной памяти, полковник поежился от недоброго предчувствия. Подозрение росло и крепло. Неужели это *она*? Не может быть! А кто еще так смело решает проблемы с помощью снайперской винтовки?

Новый детальный разговор с внимательным кассиром АЗС догадку подтвердил.

Вот так сюрприз! Огромный сюрпризище с жирным знаком «минус».

Подтянутый широкоплечий полковник с большими залысинами злобно раздул ноздри. Он сидел в пустом кабинете за массивным темным столом. Пальцы нервно массировали старый шрам от пули на левой ладони. Рука с тех пор потеряла цепкость, что постоянно напоминало о былом унижении.

– Зачем ты вернулась? Зачем тебе понадобился мой солдат? Почему ты его защищаешь? – угрожающе цедили узкие губы. – Ты, кажется, не понимаешь, что времена изменились. Стрелять теперь имеют право только люди в форме. Ты воз-

вращаешься в город, который подчиняется мне.

Он покрутил шеей, хлопнул здоровой ладонью по столу и рявкнул в пустоту:

– Ну что ж, добро пожаловать в родные места, Светлый Демон! Я встречу тебя с максимальными почестями!

За ближайшим поворотом показался серый город, угрожавший небу разнокалиберными жерлами полосатых труб. «Уж я Тебя достану, если Ты там есть!» – фыркала смрадом батарея труб. Самые длинные нервно мерцали мигалками, отпугивая самолеты, чтобы алюминиевые букашки не вмешивались в серьезный разговор адских машин с чистыми небесами.

Валяпинск. Один из промышленных городов Урала, где не бывает чистого снега.

Я даже притормозила. Сизые выбросы на фоне темного неба смотрелись умиротворенно и гармонично, как кресты на кладбище. Город выглядел как и прежде. Медеплавильный комбинат день и ночь работал по той же технологии, что и сто лет назад. Другие заводы по количеству труб лишь немногим уступали главному коптильщику.

Но были заметны и новшества. На старом храме появились сияющие кресты, даже на позолоту центрального купола кто-то расщедрился. Более того, я с удивлением разглядела купола двух новых церквей! Раньше их не было.

Как и по всей стране, уцелевшие после жестоких битв толстосумы открещивались от былых грехов постройкой соборов и мечетей, надеясь сохранить захваченные привилегии после встречи со Всевышним. Чем страшнее были грехи, тем

круче получались культовые сооружения. В столице чиновничий люд, ошалевший от тучных взяток и невиданных откатов, восстановил грандиозный храм для Патриарха. А самую большую мечеть в стране отгрохали, естественно, в самой кровавой республике.

А может, о спасении души никто и не думал? Так, возводили обязательную социалку для работяг, как раньше дома культуры.

Центр города угадывался по более интенсивному освещению. Где-то там возвышается на пьедестале каменный свидетель моего первого «заказа». Наверняка его не снесли и ежегодно закрашивают голубиный помет на лысине за счет средств налогоплательщиков, средняя продолжительность жизни которых на двадцать лет меньше, чем в странах, где на центральных площадях не сыщешь одинаковых истуканов.

Но рядом есть светлое место. Аккуратный купеческий особнячок, переделанный в Дворец бракосочетания. Оттуда под марш Мендельсона я вышла под руку с любимым человеком. Это был самый радостный день в моей жизни, предвестник бесконечной череды счастья. Я обрела то, чего никогда не имела, но о чем мечтала до щемящей боли в груди. Я обрела свою семью. Не ту большую безликую семью, о которой талдычил директор интерната Белановский на торжественных собраниях, а маленькую, собственную, родную, состоящую пока только из двух человечков – меня и люби-

мого Коленьки.

После ссоры в кабине грузовика Николай Демьянов встречал меня каждый день. Он поджидал у общежития, но я проходила мимо. Он толкался на заводской кухне, его выгоняли. Он приглашал меня в кино и на танцы, а потом выбрасывал билеты. Он вел тяжелую машину со скоростью черепахи, наблюдая, как я иду по тротуару. Однажды такой эскорт чуть не закончился наездом на женщину с коляской.

— Дурак! — крикнула я. И это было второе слово, точнее, то же самое, которое он слышал с момента, как я выпрыгнула из кабины.

Николай открыл дверь и расплылся в счастливой улыбке. Мне показалось, что в уголках его глаз блеснули слезинки. От смущения он ткнулся подбородком в грудь, стараясь прикрыть лицо. И тогда я впервые заметила в его русых волосах две макушки. Волосы между ними раскручивались навстречу друг другу и образовывали смешной непокорный гребешок. У меня больше не получалось хмуриться. Мне так захотелось провести рукой по его голове. Я потянулась вверх, он дернулся, мои пальцы задели его нос, словно дали щелбан. Наши глаза встретились, и мы дружно рассмеялись.

Потом были другие слова. Теплые встречи, нежные прикосновения, трепетные поцелуи и то самое, единственное и неповторимое, когда он нашел ответ на свой циничный вопрос и понял, что я ждала только его. И была свадьба. С завистливыми взглядами подружек, которые я не замечала.

Счастье накрыло меня, как снежная лавина неумелого альпиниста. Я не разглядела даже злых глаз Ирки Жарковой и не расслышала ее пьяные угрозы.

В девятнадцать лет я родила здорового и крепкого малыша. Мы назвали его, как и папу, Коленькой. У малыша тоже были две макушки, и нежный пушок волос между ними напалзал друг на друга, норовя вздыбиться смешным хохолком. Наша семья стала больше, превратилась в треугольник – самую крепкую конструкцию, из которой состоят опоры кранов и мостов. Я была уверена, что рядом с моим сыном всегда будут мама и папа. Ведь это и есть счастье. Для всех троих. И в первую очередь для моего малепусенького солнышка с бархатной кожей. То, чего не досталось мне, я с лихвой подарю родному созданию. У него должно быть совсем другое детство...

Я смотрела на город, который подарил мне *самый счастливый* день, когда в семье появился сынишка, и *самый страшный* день, когда мой Мир Рухнул.

Тогда я была юной и ранимой девушкой со светлыми волосами ниже плеч. Сегодня я возвращаюсь в Валяпинск совершенно другим человеком. Одиноким, уверенным в себе Светлым Демоном.

Я не ношу украшений, на лице нет макияжа, волосы коротко острижены. Так легче менять внешность, используя парики, а порой усы и бороду. Я периодически меняю цвет волос, сейчас они черные. Я научилась быть разной. Если по-

требуется, я с одинаковым успехом превращусь в обольстительную сексуальную блондинку, испитую неопрятную бомжиху или сутулого мужика невнятной наружности. Это важная часть моей профессии.

Валяпинск тоже изменился, но так и остался — *самым-самым*. Я вернулась сюда, чтобы понять свое прошлое и выполнить *самый странный* заказ в своей жизни. Я не знаю имя клиента. Я знаю лишь день, когда должна его убить.

Послезавтра.

На выезде из города вдруг показались три машины с мигающими красно-желтыми балками и фонарями на крышах. Милиция! Вот и расплата за добрый жест у придорожного кафе.

Я выключила габаритные огни и свернула на грунтовую дорогу, уходящую в лес. Потом долго петляла по проселкам, удаляясь от города, пока не наткнулась на заброшенную деревеньку. Посмотрела на дисплей мобильного телефона. Здесь даже сотовая связь не брала. Хорошее место для укрытия. Если кто-то и заметит чужака, не сможет никуда сообщить.

Пора было искать место для ночлега. Я проверила въезд на заросший участок – нет ли опасности для колес – и загнала автомобиль в высокий бурьян за покосившийся сарай. Дом на участке отсутствовал, видимо, бывший сруб представлял интерес для хозяйственных мужичков.

– Вылезай, пассажир, – скомандовала я. – Здесь переночуем, а утром разбежимся.

– Я могу уйти сейчас. – После еды солдатик выглядел уверенно. – Спасибо, что покормили. Я и вам кое-что оставил.

– Нет уж! Никуда сегодня не пойдешь! Тебя непременно сцапают, а ты выведешь на меня. До утра здесь побудешь. – Я не удержалась и со вздохом добавила: – Так мне спокойнее,

Коля.

Из-за этого простого имени я и засветилась по-глупому. Если спросят глазастого заправщика, тот четко меня опишет. А попадется ушлый милиционер и сопоставит портрет с базой данных федерального розыска... Да, осложнила я себе задачу. И что на меня нашло? Зачем за паренька вступилась?

– А вас как зовут?

– Светлана. А это Пифик, – ответила я, доставая пластиковое ведро с черепахой. – Ты поел, а он еще нет. Укачало беднягу. Просыпайся, Пифик. Сейчас поищу чем тебя порадовать.

– Светлана, а вы кто? – с долей опаски поинтересовался солдат. – Ловко стреляете.

– Сегодня я твой друг. Так получилось. Сама не хотела, если честно. А про стрельбу забудь. Не было ничего. Мы просто уехали. – Я посчитала объяснение достаточным и продолжила разговор с черепашкой. В моей жизни часто случались недели, когда я общалась только с Пификом. – Одуванчиков я что-то не вижу, зато есть клевер. Ты же любишь сладкие цветочки. Я бы выпустила тебя погулять, Пифик, но уже темно, заблудишься. Поэтому извини, дорогой. Вот тебе букетик. Наслаждайся прекрасным и полезным.

Я положила под морду животному сиреневые бутончики клевера. Пифик открыл рот, вытянул морщинистую шею, цапнул цветок и подал голову назад. На цветке образовалась проплешина.

– Так, на аппетит мы не жалуемся. Замечательно. – Я обернулась к солдату. – А ты что стоишь, рот раскрыл? Проверь сарай. Там есть возможность поспать?

Через три минуты Николай вернулся, отряхивая грязь со штанов.

– Нет. Там был курятник. Гнилые доски и старый помет.

– И выглядит он ненадежно. Если ты чихаешь или храпишь, сооружение может рухнуть.

– Я не храплю.

– Надеюсь.

В итоге мы расположились в машине, откинув до предела спинки передних сидений. Я приоткрыла окно, чтобы дышать свежим воздухом и слышать окружающие шорохи, поправила пистолет в кармане куртки и сказала:

– А теперь, дружок, я хочу услышать твою историю. Только сказку не сочиняй. Сказки я не люблю, как-то в детстве не сложилось.

– У меня тоже.

– Что так? Мамка книжек не читала?

– Я детдомовский.

– Из Валяпинска? – заинтересовалась я, прикидывая по возрасту, не могли ли мы пересечься. В нашем интернате дети воспитывались с трех лет до восемнадцати.

– Нет. Я с Поволжья.

– Родителей помнишь?

– Не-а. Меня подбросили к дому малютки. В записке бы-

ло только имя. Субботинным записали, потому что в субботу нашли.

– Вот и встретились два одиночества...

– Что?

– Да это я так... – Я по-новому взглянула на солдата. Знаете, как отличить детдомовского ребенка от обычного? Сирота не смотрит вам в глаза. Его столько раз обманывали и пичкали нотациями, что он закрыл окошко в свою душу. Солдат, конечно, давно не ребенок, но взгляд его поймать мне не удалось. – Рассказывай, Субботин, почему из армии сбежал? Деды достали?

– Я сам дед. Точнее, дембель. После майских дембельнулся... С месяц уже.

– Только не трепись, Субботин. – По фамилии мне называть его стало легче. Уж слишком много щемящих воспоминаний у меня вызывало родное имя Коля. – Я же предупредила – сказок не люблю! Ты сбежал из охранения, прихватил автомат. Кстати, где оружие?

– Какой автомат? – встрепенулся солдатик. – Я ушел без автомата. Я свободный человек, потому и ушел.

– Свободный, – ухмыльнулась я. – Свободные люди в кустах не прячутся.

– Мне бы подальше куда уехать. А там...

– Тебя везде достанут, дезертир. Твои приметы на каждой заправке! Дослужить, что ли, не мог? Сейчас год всего служат.

– Дослужил я! Дембельнулся, как положено.

– Да ну тебя! Не хочешь рассказывать – не надо. Завтра всё равно разбежимся.

Я прикрыла глаза, собираясь забыться тем чутким сном, когда крупица сознания, словно часовой на посту, бдит, чтобы при любой опасности разбудить отдыхающий организм. Почти всегда я спала в верхней одежде, имея под рукой оружие. И трижды это спасало меня.

– Мы дали подписку о неразглашении, – после нескольких минут молчания прорезался Субботин.

– Вот трепло. – Я зевнула. Равнодушие слушателя чаще приводит к красноречию рассказчика, чем назойливые вопросы.

– И документы у нас забрали. Мы охраняли чертов подвал и не могли никуда уйти с территории. У нас был контракт, на два месяца. Я решил: почему денег не заработать, если ехать все одно некуда. Хомут, Стас и Глыня тоже согласились.

Я незаметно наблюдала за ним. Взволнованный солдат жестикулировал, периодически озирался в темноту и на мгновение замолкал. Потом спохватывался и продолжал рассказ. Я не перебивала.

– За неделю до дембеля командир части собрал пацанов, у которых срок заканчивался, и предложил. Мол, в Валяпинске можно чутка подработать. А делов-то всего ничего – охранять склад. Как в армии в нарядах, тока попроще. Я с Глыниным из одного детдома, другим тоже вроде как спе-

шить не к кому, командир по личным делам, наверное, смотрел. А бабки нормальные предложил и полное довольствие в придачу. Конечно, платить не он будет, а тот, который нанимает. Хозяин, мол, серьезный, контракт подпишете и всё такое... Без кидалова, короче. Только пить нельзя и без выходных. Потому и бабки приличные... Два месяца – это ерунда, армия к дисциплине приучила. Мы, четверо, и согласились. А чо, думаем, хоть на прикид гражданский заработаем. Командир нам раньше всех документы выдал...

Привезли нас на склад. Только это не склад оказался, а стройка за забором. Две бытовки, между ними дыра в земле, лестница вниз, вроде как вход в подвал. Вот этот вход мы и охраняли... Что там, чего – нас не интересовало, мы вниз не спускались. Туда ходил Доктор – хмырь лысоватый с бородкой и в очках. Так его назвал наш Хозяин и велел слушаться. Доктор так Доктор. Он к нам особо не приставал, всё молчком да молчком. Спустится на несколько часов, потом поднимется и уходит. Компьютер плоский с собой таскал, ноутбуком называется. Иногда скляночками звенел. Как-то раз Доктор пришел с Хозяином. Тот объяснил нам, что в городе грипп свирепствует, надо колоть лекарство. Типа витаминов для укрепления иммунитета. Мол, больничные он не признает и платить больным не будет. Я попросил таблетками, с детства не люблю, когда колют. Но Доктор головой покрутил – только уколы. Принес он ампулы, не из города, а снизу, из подвала. Может, он раньше их в больнице взял и туда прита-

шил, я не знаю. Только ампулы чудные – черные, непрозрачные. Я раньше таких не видел. На них еще красные буквы и цифры – и все разные! Доктор велел рукава закатать, резиновые перчатки надел, маску на харю и в ноутбук данные заносит – напротив наших имен номера ампул вбивает...

Я интересуюсь скромно, почему лекарство-то разное? Он сказал, что оно одинаковое, но от разных производителей. Он будет исследовать эффективность. Вколол Хомуту, записал. Потом Стасу... Мне не понравилось, как Доктор отвечал. Мямлит под нос, глаза отводит. Да и какие разные производители, если упаковок нет, все ампулы из решетки с дырками торчат и на них одной краской намалевано? Когда моя очередь подошла, я спросил: а себе, Доктор, вкололи лекарство? Еще вчера, отвечает. Но как-то неубедительно. А какую ампулу? Вот как тебе. Но я же вижу – врет! И продолжаю: а чего в таблицу себя не занесли? Если исследуете, зачем вторую такую же колоть? Он ноутбук захлопнул, побагровел и со шприцем к моему локтю тянется. Не, дорогой, так не пойдет. У меня и насморка-то нет, на фиг мне твое лекарство? Будь спок, не заболею. Глыня меня поддержал, мы с детства друг за друга и в отказ вместе пошли. Хозяин раньше уехал, и Доктор на рожон не полез: не хотите – как хотите, мне до лампочки...

Потом он за Хомутом и Стасом наблюдал. Зрачки посмотрит, пульс измерит, давление. Каждый час чего-то записывал, пока ему Хомут в морду не дал. Смачно так. Доктор сал-

феткой кровь промокнул и быстро слинял, а Хомут над нами стал изголяться. Вообще, Хомут по жизни наглый, но слабый. Если задирался, то исподтишка. А тут откуда силы взялись, попер на всех, как дед на салаг! Мы с Глыней ничего сделать не можем. Стас, самый здоровый из нас, в обычное время он Хомута одной левой. Но после укола Стасу все по фигу стало. Лежит, ржет по-тихому, балдеет. На нем Хомут чуть ли не на животе пляшет, а Стасу хоть бы хны, никакой боли не чувствует! Глынин Хомута сзади шваброй огрел, тот еще злее стал. Выхватил швабру и дрызг-дрызг ее на мелкие кусочки. Силища в руках у него была невероятная...

Субботин умолк. Я сопоставила его рассказ с тем, что слышала на заправке, и убедилась, что он не сочиняет. Армии ни к чему охранять заброшенный фармзаводик, а рачительно-му Хозяину вполне с руки нанять покладистых ребят, при-выкших к дисциплине.

– Ты от Хомута сбежал? – спросила я.

– Не... Это после было. Хомут двое суток колобродил, не спал ни минуты, потом сдулся.

– Амфетамин вкололи вашему Хомуту, сильнодействующий.

– Чего?

– Это допинг для спецподразделений. Утраивает силы, повышает выносливость. С такой подкачкой можно мировые рекорды устанавливать.

– Не знаю, что там было, но Доктор был доволен. Хомут

тоже. Ему понравилось быть суперменом. Еще просил. И Стас туда же. Хотя Стас просто валялся и лыбился. Ему Хомут руку распорол, а Стас боли не почувствовал.

– Скорее всего, Стас получил суровый обезболивающий наркотик.

– Во-во, наркотик! Я тоже так подумал. Ему Доктор рану штопал, а Стас наблюдал и не морщился.

– Хорошую вам вакцину от гриппа подобрали.

– Да уж... Но Стас и Хомут еще захотели, и Доктор им вколол. Правда, эффект был совсем другой.

– Какой же?

– Страшнее...

Яркие ксеноновые фары освещали каркас сгоревшего автомобиля, красно-желтые всполохи мигалок тревожили уснувшие по обочинам кусты. Геннадий Барсуков смотрел на остатки лихого «баварца» и кислые лица уязвленных милиционеров с Северного Кавказа.

– По какой статье будем дело заводить? – спросил высушившийся следователь, морщась от запаха тлеющих покрышек.

Барсуков взглянул на старшего из группы командированных.

– Я думаю, наши гости не будут подавать заявления. Вы не пострадали? – с издевкой поинтересовался он.

Кавказец скрежетнул зубами и невнятно выругался.

– Ну, вот, заявления не будет.

– А как же страховка? Документы для страховой компании?

Барсуков догадывался, откуда берутся крутые тачки у смуглых ребят с пистолетами.

– Мне кажется, хозяин этой машины уже получил страховку.

Старший из гостей не оспорил смелое предположение. Опытный следователь не стал вдаваться в детали и растворился в темноте.

- Когда отдашь товар? – спросил кавказец.
 - Вы упустили солдата.
 - Если бы ты видел, как стреляет эта стерва... Она держала нас на расстоянии, а ты забрал у нас автоматы.
 - В моем городе чужакам автоматы не положены, майор. Получишь их обратно после сделки.
 - Тогда заberi у дикой бабы винтовку с оптикой! Она суший дьявол!
 - Почти угадал. Она демон. Светлый Демон.
 - Кто это?
 - Еще не слышал? Ну да. У вас если комара хотят хлопнуть, гранату бросают. А она ювелир в своем деле.
 - Какой еще ювелир?
 - Киллер. Неуловимый и виртуозный. Вам повезло, что вы ей без надобности оказались.
 - Она в нас стреляла!
 - Если бы она стреляла в вас, – Барсуков вытянул указательный палец, изображая ствол, и направил его на лоб собеседника, – сейчас бы мне потребовались пластиковые мешки. Три плотных черных мешочка для перевозки тел в морг.
 - Убери руку!
 - Какие нежности.
 - Что теперь делать?
 - Искать солдата.
 - Сколько у нас времени?
- Начальник милиции взглянул на дорогой швейцарский

хронометр на запястье. Стрелки приближались к девяти вечера. Он прибавил сутки, а потом подсчитал оставшиеся часы до шести утра послезавтрашнего дня.

– Тридцать три часа, – мрачно изрек Барсуков. – И ни минутой больше.

– Я без дела не сижу! У меня почти был результат.

– Вижу, – полковник криво усмехнулся, поглядывая на остатки автомобиля.

– У тебя людей в сто раз больше! Они его ищут?

– Еще как.

– Что-то незаметно, вторые сутки идут. Теперь солдат на колесах.

– И замечательно. Это обстоятельство упрощает задачу. На дорогах ловить легче, чем в лесу.

– Если поймаете сучку, нам звякни. С нее должок.

– Она не сучка, она Демон. Вдолби себе в башку! – Барсукова покоробили слова коллеги. Как умный мент он уважал профессионалов преступного мира. Порой его даже одолевала тайная гордость, что он участвовал в становлении легендарной киллерши. Но по понятным причинам он всячески скрывал этот факт. Решив закончить разговор, Барсуков холодно спросил: – В город подбросить?

– Не надо. Земляки помогут.

Начальник УВД насторожился. В свое время его Мудрый Наставник умело стравил враждующие банды. Братки в азарте перебили друг друга, и Барсуков легко «выкурил» из го-

рода остатки этнических группировок. И не потому, что был националистом, он беспощадно расправился и со славянскими бандитами. Служебное рвение тоже было ни при чем. Основной причиной являлась обычная шкурная логика. Зачем отдавать легкие деньги бандитским «крышам», если можно их присвоить себе? Тотальный милицейский прессинг быстро дал результаты. С тех пор подчиненные исправно «доили» мелкий и средний бизнес, передавая долю начальникам. А крупный бизнес... Крупные бизнесмены с Барсуковым «дружили» лично. Кто-то называет это коррупцией, а полковник милиции считал это новым порядком – вынужденной альтернативой бандитскому беспределу.

И все были довольны. По крайней мере, не роптали. Недовольные как-то сами собой разорились, пострадали при пожарах, угорели в саунах, утонули на рыбалке, даже под поезда порой сваливались. В пьяном виде, разумеется, без кримнала. Ну, не везло недовольным, что тут поделаешь.

Барсуков смерил кавказцев тяжелым взглядом. Нет ли у них серьезной поддержки в городе? Не захватят ли они товар? Исключено, решил полковник. Это мелкие фигуры, которые подчиняются Тархану. А с ним детали сделки оговорены. Послезавтра состоится окончательный расчет, гости получат опасный товар и пусть катятся куда подальше из его города! А пока надо срочно решить проблему солдата. Срочно и радикально!

Барсуков вернулся в служебный автомобиль, нажал кноп-

ку вызова рации.

– Кондратьев, что у тебя? Отвечай.

– Трассу и съезды с нее обследовали, – закурлыкала связь. – Разыскиваемой машины не обнаружено. В город она не въезжала, назад не сворачивала. Возможно, успела уйти на Екат. Мы предупредили посты ДПС и запросили данные с видеокамер.

Долгие годы Геннадий Барсуков изучал все упоминания о Светлом Демоне. Поначалу он тревожился, что девушку поймают и она даст показания против него. Но со временем успокоился. Светлый Демон была неуловима. А главное, она избегала лишних жертв. Принятые заказы она всегда исполняла чисто. Погибал только заказанный клиент. Ни водители, ни телохранители, ни тем более случайные люди ни разу серьезно не пострадали. В крайнем случае наиболее рьяные преследователи отделялись ранениями, как он когда-то. Постепенно Барсуков уверился, что Светлый Демон не собирается ему мстить. Он для нее лишняя жертва.

Также он убедился в ее упорстве и отнюдь не женской рациональности. Если Светлый Демон оказалась на въезде в Валяпинск, то отнюдь не для того, чтобы свернуть в Екатеринбург. Это немалый крюк.

Для чего она вернулась в его город? И почему, черт возьми, в ее машине оказался злополучный солдатик, которому место только в могиле?!

А если?..

Геннадий Барсуков покрылся холодной испариной и невольно сжался.

Если заказ поступил на него? И он уже не лишняя жертва, а тот самый клиент, за которым она начала охоту? А что, если дерзкий взрыв машины – это повод вытянуть его из города? За Светлым Демоном водились подобные хитрые приемчики. Он на дороге в освещении фар, а она затаилась в темных кустах.

Полковник нервно заозирался. И впервые пожалел, что не пользуется бронированным автомобилем. Даже находясь в служебной машине с синими милицейскими номерами, он почувствовал себя беззащитной мишенью в прицеле снайперской винтовки. Кто знает, возможно, для нее особый шик – шлепнуть милицейского начальника внутри неприкасаемого автомобиля.

Барсуков велел водителю мчаться в город и приказал в рацию:

– Кондратьев, свяжись со всеми постами на трассах. Просмотри все камеры с западного направления, но найди эту корейскую тачку и солдата! А когда найдешь... Ну, ты знаешь, что делать.

– Попадется – сделаем, – спокойно заверил начальник СКМ, службы криминальной милиции города. Он говорил так, будто речь шла не о человеческой жизни, а о подготовке мяса для шашлыка.

Отключив связь, Барсуков вспомнил, что можно задей-

ствовать технические средства для вычисления местоположения беглецов. Субботин гол как сокол, а у Светлого Демона наверняка имеется мобильный телефон. На этом можно сыграть.

Полковник приободрился. Скоростная езда успокаивала. В конце концов, под его командованием десятки вооруженных профессионалов, а она всего лишь стрелок-одиночка. Связавшись с беглым солдатом, старая знакомая совершила роковую ошибку. Субботин приговорен. Его судьба однозначна. И каждый, кто помешает благородной расправе, неминуемо пожалеет об этом.

Я проснулась от пения птиц. Длинные тени деревьев на глазах съеживались. Влажный туман стелился по разнотравью, сползал вниз по склону, стремясь укрыться от солнечных лучей. «В низине река», – догадалась я и потянулась.

Николай спал, по-детски подложив ладошку под щеку. Он так устал за двое суток скитаний по лесу, что отключился, не закончив рассказ.

Из его слов я узнала, что новые уколы загадочного Доктора принесли неожиданный эффект. Хомутов не обрел былой силы, а уснул так крепко, что был похож на труп. Его можно было ворочать, щипать, обливать водой – он не подавал признаков жизни. Даже Доктор всполошился: светил фонариком в зрачки, слушал через стетоскоп, брал кровь на анализ. Потом заверил, что всё нормально, и ушел вбивать данные в ноутбук.

Стас тоже получил укол, но не отрубился. Он тупо глядел на безвольное тело Хомута и вдруг произнес:

- Лежит, как Танька.
- Какая Танька? – неосторожно спросил Глынин.
- Соседка по подъезду, школьница.
- Красивая?
- Ноги длинные, юбка короткая, глаза накрашены, грудка тугая, а кожа, ммм, – замычал Стас, крутя башкой, – и пахнет

от нее...

– Расскажи про Таньку. Ты трогал ее грудь? Расскажи! – не унимался Глынин в предвкушении цветистой солдатской байки о любвеобильной и покладистой девушке.

И Стас начал рассказывать. Его прорвало. Плотина из молчания и обмана, закаленная допросами следователя и подозрением соседей, выдержавшая испытание временем, разом рухнула. Стас признавался в жестоком преступлении.

Взбалмошная девятиклассница Танька, обладательница вполне оформившейся фигурки, частенько курила с подружками за углом дома, прикрытого от дороги кустами. В тот день Стас увидел ее одну. Он подошел, составил компанию, перекинулся парой шутливых фраз. Девчонка вяло огрызалась и проклинала слабость и трусость парней. «С парнем поругалась?» – предположил Стас.

Грянул весенний гром, ливанул дождь. Только что начатые сигареты бросать не хотелось. Они отошли к дому и пристроились на ступеньках, ведущих в подвал. Крупные капли барабанили над головой по жестяному навесу.

Девочка успела намокнуть. Тонкая блузка облепила грудь, от волос исходил запах проснувшихся духов. Она сказала что-то циничное про школьного хлюпика. И тут Стас почувствовал нарастающее возбуждение. Он сильный и смелый, именно о таком парне мечтает эта девчонка. Его распирало необузданное желание. Он обхватил ее, прижал к себе. Она удивилась, потом начала брыкаться. Но сильные мужские ру-

ки не разжимались. Стас заметил, что вход в подвал открыт. Он приподнял ее и, сгорая от животной страсти, потащил вниз по лестнице. Таня попыталась кричать. Он испугался, закрыл ладонью рот, но она кусалась.

И тогда он сдавило ей горло. Потом сорвал ее одежду, обезумел от вида наготы и долго терзал девичье тело, пока не обессилел.

Прозрение пришло позже. Он изнасиловал задушенную девушку! Когда он рвал ее трусики, Таня была уже мертва.

Бежать! Скорее бежать, пока его не заметили!

Холодный ливень вернул разум. Отпечатки, сперма, ДНК... Что там еще в ходу у следователей? Стас вернулся в подвал. После уличного холода внутри показалось особенно жарко. Над головой шла толстая труба в пыльном кожухе. Стас потрогал торчащий вентиль. Железо обжигало. В их доме, рядом с городской котельной, вода всегда была особенно горячей. Он разыскал отрезок трубы и что есть сил саданул по вентилю. Кран развалился. Сквозь образовавшуюся дырку ударила мощная струя кипятка и пара. Стас перекатил тело девушки под струю. Вода била в нежный девичий пах. Оставалось надеяться, что Таню найдут не сразу.

Обо всем этом Стас поведал в каком-то нервном угаре. Он хвастался, что смелый расчет оправдался. За несколько часов кипяток уничтожил все улики, а последний раз Таню видели ссорящейся с одноклассником. Стас отбил от косвенных подозрений и поспешил уйти в армию. Поэтому он и

не спешит возвращаться домой, хотя знает, что вместо него
упекли в тюрьму невинного парнишку...

«Стасу вкололи «сыворотку правды», – догадалась я.

Хороший набор ампул оказался у Доктора. Полный комплект для элитного спецподразделения. Тут тебе и амфетамины, утраивающие силы, и обезболивающие при ранениях, и сверхсекретная «сыворотка правды», развязывающая язык, и наркотическое снотворное, чтобы упаковать пленника. Серьезные боевики многое отдали бы за подобный арсенал.

Я вспомнила неутешительный прогноз онколога. Кое-что из темных ампул и мне бы пригодилось. Сначала обезболивающие, а уж потом, когда метастазы расползутся по организму, – ударная доза снотворного для вечного сна.

В довольно мутную историю попал вчерашний солдат Николай Субботин. Но это еще не объясняет, почему его усердно разыскивает милиция и хотят убить крутые «северяне».

Я спустилась к реке, желая помыться. Полностью разделась и вошла в воду. Страх привычным капканом сковал ноги. С того страшного дня, когда Мир Рухнул, я не в силах зайти выше колена в любой водоем. Вы думаете, я не умею плавать? Отнюдь. Я уверенно держалась на воде. Но... но это было в другой, прежней жизни.

Переждав первые панические минуты, я наклонилась. Ладони щедро черпали чистую воду и растирали по телу. Про-

хлада бодрила.

В какой-то момент я спиной почувствовала взгляд чужака. Многолетняя осторожность и одиночество развили во мне почти звериное чутье. Я всегда ощущаю, *как* на меня смотрят. На этот раз взгляд не царапал опасностью, а щеко-тал любопытством. Я обернулась. Почти по пояс в тумане стоял Субботин. Застигнутый за подглядыванием, он стыдливо присел, желая спрятаться, но все равно оказался выше влажной дымки. Я прыснула, с трудом подавив смех. Видел ли он когда-нибудь голую женщину?

Я невозмутимо продолжила водную процедуру. Пусть смотрит, с меня не убудет. Обнаженное тело – самое ласковое в мире оружие. Как и всяким оружием, им надо уметь пользоваться. Знать самые убойные детали, скрывать слабые стороны. А еще ухаживать и беречь. Помните об этом, женщины.

Мое тело сохранило подтянутость и упругость. Самоограничения и тренировки немного развили плечи и руки, что позволяет при необходимости маскироваться под мужчину. Грудь у меня небольшая, под свободной одеждой ее незаметно. Однако когда требуется, я облачаюсь в короткую юбку или откровенное платье и туфли на высоких каблуках. Я знаю, что в этом случае мужики глазают на мои стройные ножки. На это и расчет. Пусть смотрят ниже пояса. Зато потом свидетели не смогут вспомнить мое лицо. Их взгляды как по команде цепляются за трепещущую оборку платья, с

глупой непосредственностью норovia проникнуть под нее.

Однако в средствах обольщения требуется мера. Половина на половину – лучшее правило. Открыт низ, значит, закрыты плечи, и наоборот. Глубокое декольте лучше всего сочетается с платьем ниже колен. А если обнажена спина, то спереди ткань под горло. В противном случае вы впадаете в вульгарность. Для мужиков это означает доступность, а доступные женщины их неправильными мозгами хорошо запоминаются.

Я уверена в притягательности своего тела как для мужчин, так и для некоторых женщин, но редкий счастливчик получает право прикоснуться ко мне. Я сама делаю выбор. Редко и лишь тогда, когда очень этого хочу.

Но был в моей жизни особо гадкий период, когда с моим мнением не считались.

По вечерам в палату закрытой психиатрической клиники, куда меня уpekли по решению суда, повадился заходить завотделением Клыженко. Жирный и противный, с пористым рыхлым лицом, он был похож на жабу. Я так его и называла. Жаба заходил, запирали дверь и расстегивал штаны. Мои руки и ноги предварительно привязывали к углам кровати услужливые санитары. Я выкрикивала ругательства, пока Жаба не заклеивал мне рот скотчем. Потом он задирали мою рубашку, его сальные глазки подолгу разглядывали мой голый живот и беспомощно растянутые ноги. Руками он нервно теребил мошонку. Палата наполнялась его гнусным по-

становлением. Чаще всего Жаба кончал надо мной, стремясь брызнуть спермой в пупок. Но иногда, распалившись, он наваливался огромной тушей, пыхтел и насиловал.

Со временем ему это наскучило, и Жаба стал приводить в палату своего приятеля. Длинного, вертлявого и неприятного. Я назвала его Червяком. Жаба хвалился перед Червяком, что я самая лучшая сучка в клинике и обожаю всяческое насилие. В первый же день он продемонстрировал свои слова самым изуверским способом. Червяк был очарован предельной формой моего унижения, его глаза туманились от вседозволенности, по губам сползала слюна. Они выпивали на моем животе, щипали грудь и лобок и по очереди насиловали. Особенно усердствовал Червяк. Он был уверен, что осчастлививляет меня. Если он получает удовольствие, то слабоумная девка, запертая в четырех стенах, и подавно.

Однажды парочка негодяев решила потешиться одновременно. Они привязали меня поперек кровати и разлепили рот. Это была их роковая ошибка. Когда возбужденный Червяк сунул свою набухшую вонючку, я сжала челюсти.

И долго их не разжимала.

Жаба лупил меня нещадно, но мое дергающееся тело и крепкие зубы доставляли воющему Червяку лишь дополнительные страдания. Я решила идти до конца. За мои унижения кто-то должен заплатить. И будь что будет.

Жаба догадался вколоть ударную дозу снотворного, когда Червяку уже ничто не могло помочь. Я отключилась избитая,

но улыбающаяся...

Я вышла из реки, тщательно вытерла голое тело, ощущая пылкий взгляд молодого человека. Меня забавляла пикантная ситуация. Женские игры забавнее и чище мужских. Я надела трусики, проигнорировала лифчик, облачилась в верхнюю одежду и, расчесывая волосы, весело предложила:

– Можешь искупаться, Субботин. Я подожду.

Солдат словно загипнотизированный стянул куртку с рубашкой. Он шел к воде, а глаза косились на меня, словно я до сих пор была обнаженной. Он так загляделся, что угодил в ямку и пошатнулся.

– Не споткнись! – я перехватила его взметнувшуюся руку. На меня смотрели красные воспаленные глаза. – Да ты горишь. Простужен?

– Я не знаю, – пробормотал парень.

Я заметила красную язвочку на сгибе локтя.

– Это что? Тебя тоже кололи?

Он кивнул.

– Ты же рассказывал, что не согласился. Захотелось силы утратить? Или кайф поймать?

– Я ничего не хотел. Я спал. Когда проснулся, меня держали «черные», а Доктор колол.

– Какие «черные»?

– Они вчера гнались за нами.

– «Северяне», – поняла я. – Значит, ты их знал раньше. Кто они такие?

– Я видел их тогда в первый раз. Они появились с Доктором на рассвете. Он сделал уколы мне и Глыне. Мы не могли сопротивляться.

– Каков был эффект от уколов?

– Никакого. Ни у Глынина, ни у меня. Два дня нас обследовал Доктор, брал кровь, просил сплевывать на круглую стекляшку.

– И?

– Я чувствовал себя как обычно, а потом сбежал.

– Почему?

– Из-за Стаса. Когда его мозги встали на место и он въехал, что признался в изнасиловании и убийстве несовершеннолетней, то струхнул. Он подумал, что мы его заложим. Или я, или Глынин. Мы двое слышали его исповедь.

Субботин замолчал, открытые глаза смотрели в прошлое. Он был где-то далеко. Я дала возможность ему помолчать, а потом дернула:

– Так что у вас произошло?

– Когда я зашел в нашу бытовку, Стас душил Глыню. Моего единственного друга... Тот уже лежал на полу. Стас стягивал веревку, а Глыня беспомощно дергался. Я бросился на Стаса, но получил удар локтем в лоб. Когда очнулся, всё было кончено... Стас заметил, как я поднимаюсь, и спросил: ты не подох? А потом он предложил закопать Глыню на стройке в котловане. Я поплелся в угол, где висели автоматы. Он разгадал мое желание и перегородил путь. Мы застыли ли-

цом к лицу. Стас продолжал меня уговаривать, но в его глазах я видел совсем другое. Пока я думал, что предпринять, в его руке блеснул нож, и Стас бросился на меня. Я чудом отбился и убежал.

– Почему не рассказал Хозяину?

– Я хотел это сделать. Притаился в лесу за стройкой, чтобы его дождаться, а затем случилось самое ужасное.

Геннадий Барсуков проснулся и посмотрел на электронные часы на комод. Около шести. Рядом безмятежно раскинулась красавица жена. От ее разомлевшего теплого тела веяло податливой мягкостью. Полковник милиции оценил степень собственного возбуждения и грубо овладел женщиной сзади. На минуту он превратился в напористый механический насос, толкающий поршень. Когда рывки закончились и мужчина отвалился, женщина рывком поправила задранную ночную сорочку и буркнула:

– Спасибо за доставленное удовольствие.

Полковник не стал извиняться. В жизни масса проблем покруче нудного бабского ворчания. Одна из них появилась два дня назад в виде трупа на объекте. Но это полбеда, для того он и подбирал в охрану сирот и одиночек. Их никто не хватится. Гораздо хуже, что сбежал неизвестно куда чертов придурок Николай Субботин. Вот это реальная проблема. Если ее не решить в ближайшие сутки, то неприятная ситуация выйдет из-под контроля и многократно вырастет в масштабах. Так, по крайней мере, уверяет Доктор. Он, конечно, та еще сволочь, но про темные ампулы вряд ли врет.

Барсуков накинул халат, прошел на кухню и включил кофейный аппарат. Он знал, что больше не уснет. Требовалось действовать. Размешивая фруктовый сахар в широкой ко-

фейной чашке, полковник вспоминал, где же он допустил ошибку.

...Дней пять назад Доктор доложил, что непроверенной осталась лишь одна серия черных ампул с аббревиатурой VRA13. Они хранились в особом запечатанном стальном боксе.

– Так проверяй! – рявкнул Барсуков. Ему хотелось быстрее завершить необычный, но весьма прибыльный бизнес-проект.

– Вы не понимаете, – вкрадчиво и витиевато объяснял Доктор. – Я уже изрядно засорил два подопытных организма. Мне трудно вычленить чистый эффект, он микшируется с остаточным действием предыдущих препаратов. Надо дать передышку нашим пациентам или подключить к эксперименту новые чистые организмы.

– Да всё я понимаю! Субботин и Глынин еще выкобениваются?

– Я не могу применять силу. Я убеждаю, увлекаю, действую, как искуситель.

«Змей-искуситель, – ругнулся про себя Барсуков. – Жирный беспринципный змей, у которого вместо ядовитого зуба ядовитый шприц».

– Я что-нибудь придумаю, – пообещал он вслух.

Тогда же полковнику доложили о гостях с Северного Кавказа. Барсуков отпустил Доктора и распорядился:

– Пусть войдет старший группы. Остальных проверить.

Как обычно.

В кабинет вошел кавказец с надменным непроницаемым взглядом, представился майором милиции. Полковник не ответил и не удосужился приподняться.

– Тархан прислал нас за товаром, – пришлось объяснять гостю. – Он передает аванс.

Майор положил на стол большой кейс, намереваясь его открыть. Холодная гордость и собственная значимость расправляли его плечи и делали выше.

– Не надо, – осадил Барсуков. – Поставь под вешалку.

Он показал в угол, где под вымокшей на дожде курткой образовалась лужица. Дикарь с первых минут должен понять свою ущербность. Проехал через полстраны с чемоданом наличных, как будто нет других способов цивилизованной оплаты. Взять хотя бы благотворительный Фонд Помощи Сиротам, которым руководит госпожа Барсукова. Местные бизнесмены регулярно переводят туда деньги. Фонд оказывает помощь детским домам, школам-интернатам и их выпускникам. По бумагам огромные суммы уходят на ремонт и оборудование детских учреждений, на экскурсии, организацию праздников и питание детей. На деле достаточно подкармливать руководителей детдомов, которые с удовольствием подмахивают нужные бумаги и через прессу поют благодарность Фонду.

А еще существуют вполне законные рекламные, консультационные и юридические услуги. Почему бы Тархану не за-

казать рекламу Кавказских Минеральных Вод или, на худой конец, родного аула? Сейчас бы его неотесанные посланцы видели красивые заснеженные вершины на паре городских билбордов. Цена услуги договорная, проще говоря, безразмерная. Закинул деньги на счет карманной фирмочки, и не надо таскать наличку, вводить в искушение бедных инкассаторов и тупых головорезов, насмотревшихся американских боевиков.

Однако мысленное брюзжание опытного чиновника гость не услышал. Покупатель на специфический товар нашелся только на Северном Кавказе. Спасибо хотя бы за то, что одиозный Тархан прислал курьеров с настоящими милицейскими корочками и командировочными предписаниями. Это позволяло открыто общаться в здании управления.

– Ты рано приехал, – заметил Барсуков, когда удивленный майор поставил кейс в лужу.

– Тархан торопит.

– Я не закончил испытания. От них зависит окончательная цена.

– Цену обсуждай с Тарханом. Я здесь, чтобы обеспечить сохранность товара...

– После того, как я его передам. А пока, – полковник развел руки, – придется ждать, майор.

– Я не привык сидеть без дела.

– Пожалуй, есть возможность ускорить процесс, – после некоторого колебания решил Барсуков. – Сейчас я тебя све-

ду с Доктором. Он объяснит, что надо сделать.

В коридоре слышались шум и грубая возня. Судя по звукам, приезжие кавказцы ругались с местными сотрудниками. Майор напрягся, полковник сохранял спокойствие. Дверь распахнулась. Озлобленного гостя в черной куртке сдерживали несколько сотрудников милиции. Тот выкрикнул фразу на своем языке, ключевым словом в которой было «калаш».

Полковник легко угадал смысл недовольства. Его предельно жесткий взгляд уперся в майора.

– Я не пускаю людей с автоматами в свой город, – отчеканил он.

– Но мы...

– Никаких исключений! Здесь моя территория и мои законы.

«Молнии» из глаз горца рассыпались о каменное лицо начальника УВД по Валяпинску.

Я дотронулась до оцепеневшего солдата. Тот чуть расслабился. Я мягко спросила:

– Ужасное... Ты вспомнил про ужасное. Что это было?

– Я убежал со стройки недалеко и спрятался в лесу. Оттуда заметил, как приехал Доктор. Он должен был наткнуться на мертвого Глыню. Я ждал, что будет. Очень скоро примчался Хозяин. С ним были милиционеры. Я подумал, что Стаса арестуют и я смогу выйти. Появился Стас. Без наручников. Он тыкал ручищами в направление леса и что-то объяснял. Милиционеры достали пистолеты и пошли в мою сторону. Я понял, что Стас свалил убийство Глынина на меня. Я испугался. Если они меня схватят, я не смогу оправдаться, ведь убежал именно я, а не Стас! И я побежал дальше. Я долго кружил по лесу, а потом вернулся. Я хотел пробраться к Хозяину и всё ему объяснить, он бы понял и поступил справедливо. Но машины Хозяина около бытовок уже не было. Потом я увидел, как Стас и Хомут тащат в лес тело Глыни, завернутое в одеяло. За ними шел Доктор. На нем были резиновые перчатки, защитный фартук и маска. Они остановились недалеко от меня и стали рыть яму. Когда Глыню бросили на землю, одеяло распахнулось. Его живот был разрезан сверху донизу и зашит грубыми стежками. Потом Глыню спихнули в яму, облили и подожгли. Доктор швырнул в

огонь свою защитную одежду. Меня вырвало. Они услышали, и Стас побежал за мной. Он меня почти догнал, но споткнулся о корень. Мне удалось скрыться. Я спал в лесу, а потом целый день шел вдоль дороги, пока не встретил вас.

– Выходит, тебя разыскивают за убийство.

– Но я никого не трогал! Я рассказал правду!

Чистая душа, как он боится этого слова. Недаром общество придумало благозвучные синонимы: ликвидация, казнь, высшая мера и самое «благородное» – заслуженная кара. Но суть остается прежней. Разумное существо, используя свой разум, лишает жизни себе подобного.

Давным-давно я тоже была чистой и непорочной... Пока не наступил день, когда Мир Рухнул.

– Я дружил с Глыней. Он был для меня как брат, – продолжал оправдываться Субботин.

– Обвинение в убийстве многое объясняет. Активность милиции, оперативников в придорожном кафе...

Я осеклась. Я поняла, что высказала совершенно неверное предположение. Мысль, произнесенная вслух, становится рельефной, осязаемой, обретает пространственную форму, что сразу делает ярче ее достоинства и изъяны. Когда обвиняют в убийстве, не уничтожают поспешно труп. И не планируют «шлепнуть и закопать» обвиняемого при первой возможности. Значит, Субботина ищут не как убийцу, а по иной причине. Какой же?

Формально – он не выполнил договор с предпринимате-

лем и сбежал с работы. За это наказывают рублем, увольнением, но отнюдь не смертью. Еще он свидетель убийства, которое почему-то решили скрыть. Неужели для того, чтобы не всплыло более тяжкое преступление? Но какое? Субботин всего лишь охранял старый склад. Правда, там хранятся внутривенные препараты с весьма специфическим эффектом. Прямо говоря, секретные препараты, которые не купишь ни по одному рецепту.

Свободного времени в моей жизни немало, киллеры не трудятся ежедневно от звонка до звонка. Как большинство городских одиночек, я пристрастилась к Интернету, черпая оттуда массу полезных и на первый взгляд ненужных сведений. Электронной почтой и Интернетом меня научил пользоваться Паук, с которым судьба свела в Екатеринбурге, куда я бежала из Валяпинска после ликвидации мэра. Ликвидации! Как видите, я тоже прикрываю красивыми заплатками суть своей профессии.

Паук, а именно так он и представился, несмотря на легкомысленное прозвище, был серьезным мужчиной лет тридцати с незапоминающейся внешностью. «Интернет – это Всемирная паутина, – объяснил он, – и я в ней живу». Он приходил по вечерам в маленькую квартирку, из которой я не могла выйти. Приносил продукты и не разрешал включать свет. Темную комнату освещало лишь мерцание цветного монитора. Компьютеры к тому времени я уже видела, а вот Интернет еще был в диковинку. Интернат и Интернет – такие

похожие слова. Раз так, лихая интернатская девчонка должна обязательно освоить премудрости Интернета.

Я склонялась над клавиатурой, Паук сидел сбоку и терпеливо объяснял. За два месяца обучения он так и не открыл своего настоящего имени, а меня без тени улыбки называл Светлым Демоном, к чему я быстро привыкла. Он научил меня методам шифрования сообщений, элементам конспирации и выуживанию информации из Сети. В конце обучения он принес мне паспорт на имя Светланы Никитичны Михалковой и несколько фотографий, где я была запечатлена в компании известного всей стране усатого режиссера.

«Держись уверенно и намекай на родство с известным кланом», – посоветовал Паук. Совет оказался не лишним. Служители правопорядка быстро теряли спесь при виде паспорта бойкой барышни с подоткнутой под обложку фотографией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.